

Дмитрий Верхотуров



Ашаршылык

История Великого голода

Дмитрий Верхотуров

**Ашаршылык: история
Великого голода**

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Верхотуров Д. Н.

Ашаршылык: история Великого голода /
Д. Н. Верхотуров — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Ашаршылык - казахское слово, обозначающее голод. Но оно также стало названием одной из крупнейших хозяйственных катастроф, когда-либо постигших Казахстан за всю его историю. Голод 1932-1933 годов нанес Казахской АССР (тогда еще автономной, в составе РСФСР) колоссальный ущерб, прошедшийся не только по хозяйству, но и культуре и быту казахов. В книге подробно разбирается административная и хозяйственная подоплека этой хозяйственной катастрофы, и показывается, как сочетание тех или иных решений, условий и методов реализации может привести к массовому и губительному голоду.

Содержание

Введение	5
Глава первая***Пролог трагедии	7
Две волны голода	10
Первые речи	17
Глава вторая***Пахать или пасти?	19
Казахское скотоводство	20
Казахское земледелие	24
Хозяйство европейского типа	26
Влияние колонизации	30
Пасти!	32
Пахать!	36
Кто был прав?	44
Послужной список советской политэкономии: голод и война	50
Глава третья***Советизация аула	52
Облик Советской власти в ауле	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дмитрий Верхотуров

Ашаршылык: история Великого голода

Введение

Ашаршылык – по-казахски означает «голод». Это простое слово превратилось в обозначение страшной трагедии и катастрофы для казахского народа – великого голода 1932–1933 годов, когда погибло около половины казахов, а сотни тысяч вынуждены были бежать далеко за пределы Казахстана в поисках спасения от смерти.

Эта страшная трагедия оставила резкий, рубленый отпечаток на казахском народе, на его мировоззрении и культуре. Огромные раны народа до сих пор не вполне затянулись, и даже нынешняя молодежь остро воспринимает мученическую гибель своих предков. Эта чудовищная трагедия никого не может оставить равнодушным и отстраненным.

До голода Казахстан был свободной страной, в которой царили вольные нравы кочевников-скотоводов, в которой практически не было тюрем просто из-за невозможности содержать их в условиях кочевого быта. Почти все проступки наказывались штрафами: айыпом или тогузом, в зависимости от тяжести проступка. Но после голода, когда целые волости опустели, Казахстан превратился в страну невольников, пригнанных на стройки и добычу руды, в край огромных лагерей за колючей проволокой и место ссылки. Голод стал прологом ко всем остальным бедствиям, которые обрушились на Казахстан, включая ядерные испытания на Семипалатинском полигоне, испытания бактериологического оружия на острове Вознесения на Аральском море, переселения в Казахстан представителей многочисленных репрессированных народов, освоения целины и связанной с ней экологической катастрофой. Это стало возможно только потому, что после опустошительного голода у руководства Советского Союза прочно и надолго закрепился образ Казахстана как «пустой страны», в которой можно делать все, что угодно.

В этом смысле голод был трагедией не только казахов, но и всех остальных народов, которые жили до этого или оказались против своей воли в Казахстане.

Конечно, если бы не было этого опустошительного голода, то история Казахстана пошла бы совершенно другой дорогой.

Голод в Казахстане никогда не был и не станет оружием политической борьбы, чем стал голод 1932–1933 годов на Украине. Голод занимает другое место. Во-первых, это память, тяжелая и болезненная память о страданиях и мученической смерти сотен тысяч людей. Не делать на голоде политического капитала – это нравственный долг ныне живущих перед умершими.

С другой стороны, это светлая память о тех праведниках, которые в страшные годы прилагали все усилия для спасения своих близких или даже совсем случайных людей, делились с ними куском хлеба и горсткой муки, брали детей, помогали поселиться и устраиваться на работу. Это пример для всех нас, как даже среди разгула смерти оставаться людьми и сострадать мучениям других. Да пребудет с ними милость Всевышнего!

Наконец, это жгучая память о тех убийцах, которые ввергли целый народ в пучину страшных бедствий.

Во-вторых, это намерение не допустить повторения таких ужасных катастроф в будущем, не только в Казахстане, но и вообще где бы то ни было в мире. К сожалению, голод в Эфиопии, в Сомали и в других местах показывает, что от этого пока никто не застрахован, и предаваться благодущию еще рано. В мире около 800 млн. человек недоедают и находятся на грани голода, нуждаются в помощи.

Настоящая книга в первую очередь ставит перед собой цель разобраться в экономических причинах голода в Казахстане и выявить те условия и решения, которые привели к такой небывалой для Казахстана хозяйственной катастрофе, затмившей все наиболее крупные бедствия в истории казахского народа, даже Актабаң Шыбурынды, или «Годы великого бедствия» в 1723–1724 годах, когда казахи потерпели тяжелое поражение от джунгар. Ни один джуг, даже самый тяжелый, не вызывал такого страшного голода.

Это исследование необходимо сразу по нескольким причинам. Во-первых, географические и климатические условия Казахстана с тех пор изменились в сторону роста пустынь и процесса опустынивания, и составляют очень сложные условия для сельского хозяйства, как растениеводства, так и животноводства. Изучение экономических причин голода позволяет понять, что нельзя делать ни при каких условиях, чтобы не вызвать еще одну такую хозяйственную катастрофу.

Во-вторых, материалы истории великого голода позволяют понять, как диагностировать подобные хозяйственные катастрофы на ранних стадиях, и предотвращать их, пока они не превратились в разрушительное бедствие.

В-третьих, это опыт борьбы с голодом, который имеет большую актуальность как в региональном плане (поскольку в Таджикистане и Афганистане и в других странах люди еще, к сожалению, продолжают голодать), а также в мировом плане, для предотвращения катастрофического голода в других странах, и корректировки политики международных гуманитарных организаций.

Этот опыт нуждается в тщательном и всестороннем изучении не только потому, что он очень значим, но и потому, что за него заплачено чрезвычайно дорогой ценой. Память об умерших вызывает, чтобы такое бедствие никогда не было допущено впредь.

Автор

Глава первая***Пролог трагедии

12 сентября 1925 года из поезда на вокзале Кзыл-Орды (бывший Перовск) вышел человек, которому предстояло сыграть центральную роль в трагедии колоссальных масштабов, самой крупной из тех, которые когда-либо охватывали Казахстан. Звали человека Филипп Исаевич Голощекин, он был старым революционером, до этого занимал несколько должностей в Самарской губернии, где был председателем губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, председателем губисполкома и входил в губком РКП(б). Теперь ему предстояло стать первым секретарем Казкрайкома РКП(б).

Формальности, связанные с избранием нового секретаря, были улажены очень быстро, и уже 18 сентября 1925 года газета «Советская степь» поместила биографическую статью о тов. Голощекине по случаю его прибытия в Кзыл-Орду. Эта же статья называет и дату, с которой началась великая трагедия.¹

Не особенно скрывалось, что выдвижение Филиппа Голощекина на пост первого секретаря Казкрайкома было именно назначением, а не выбором большевиков Казахстана. Оргбюро ЦК РКП(б) под руководством Лазаря Кагановича, при полной поддержке со стороны секретаря ЦК РКП(б) Иосифа Сталина, в то время проводило интенсивную кадровую политику, делая назначения на самые различные посты. На самом верху, в Политбюро ЦК РКП(б) в тот момент шла ожесточенная политическая борьба, и Сталин, захвативший руководство Оргбюро, создавал основу своей власти, назначая преданных ему людей. Очевидно, Филипп Голощекин был включен Сталиным и Кагановичем в это число, и получил назначение на достаточно высокий пост, гораздо более высокий, чем все посты, которые после революции занимал Голощекин. До этого он последовательно занимал посты секретаря Пермского, Екатеринбургского губкомов и Уральского обкомов партии, а потом был переведен на советскую работу и занимал посты председателя губисполкомов Советов в Костромской и Самарской губерниях. Новое назначение предусматривало куда более широкий фронт работы, поскольку Казахстан был гораздо больше любой губернии, а также было более высоким, поскольку Казахстан был в то время Казахской Автономной Советской Социалистической Республикой (КазАССР), входившей в состав РСФСР, имеющий собственное правительство и собственные независимые наркоматы.

По уже установившейся к тому времени практике секретарь крайкома фактически руководил всеми органами власти, и это назначение для Голощекина было фактически назначением главой целой автономной республики.

Его предыдущая биография вместе с наличными условиями, которые сложились в Казахстане, позволяет понять логику этого назначения. Казахстан в годы Гражданской войны был ареной боев, многие его районы подверглись сильному разорению. К тому же, в Казахстане уже было две волны голода. Первая – в 1918–1919 годах, вторая – в 1921–1922 годах, после которых хозяйство КазАССР восстанавливалось с большим трудом, и в республике царила нищета. Поскольку после революции Голощекин занимал, преимущественно хозяйственные посты, то он, должно быть, в Оргбюро ЦК РКП(б) считался специалистом по хозяйству, и направлялся с целью помощи восстановления хозяйства республики. Также, по мнению товарищей из Оргбюро, Голощекин был знаком с местными условиями, поскольку в 1919 году был членом Реввоенсовета Туркеспублики, а в октябре 1919 – мае 1920 года был членом Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. Не исключено, что его кандидатуру предложил именно Каганович, который в 1922 году был делегатом XI съезда РКП(б) от Туркестана, и

¹ Михайлов В. Хроника великого джуга. Алматы, «Жалын», 1996, с. 16–19

сразу после этого получил от Сталина назначение в Оргинструкторский отдел при Секретариате ЦК РКП(б).²

На хозяйственное предназначение его назначения на пост секретаря Казкрайкома РКП(б) указывает также и то, что Голощекин в 1921 году некоторое время был председателем Главруды (главк, контролирующей добычу руд), а Казахстан тогда воспринимался как важнейшая база цветной металлургии и источник медных и свинцовых руд, а также в Самарской губернии активно занимался хозяйственными вопросами. В частности, там он возглавлял Губпоследгол, то есть Губернский комитет по борьбе с последствиями голода, и сумел добиться некоторых успехов. Все эти обстоятельства его биографии, очевидно, и заставили Кагановича и Сталина остановиться именно на его кандидатуре.

С точки зрения этих фактов, в 1925 году его назначение в Казахстан казалось оправданным и целесообразным. До этого Голощекин достаточно хорошо себя проявил на партийных, военных, советских и хозяйственных постах, был старым большевиком и революционером, был хорошо знаком с Лениным и Сталиным, и со всех точек зрения воспринимался, скорее всего, как надежный и исполнительный товарищ, твердый большевик. Это обстоятельство подчеркивалось активным участием Голощекина в организации расстрела семьи Николая II в Екатеринбурге в 1918 году. Об этом в Политбюро и Оргбюро, конечно, хорошо знали. Признаком того, чем Голощекин займется в Казахстане позднее, в 1925 году не просматривалось. Это мнение о Голощекине, как твердом большевике и хорошем хозяйственнике, видно, довольно долго держалось в ЦК, и оказало влияние на ситуацию, поскольку там к решению о снятии Голощекина шли нелегко, и решились только после того, как хозяйственная катастрофа стала очевидной. Филипп Голощекин определенно пользовался большим доверием.

В те годы назначения на руководящие посты в гораздо большей степени определялись политической позицией того или иного члена партии, его отношения к партийным лидерам, чем реальными управленческими и хозяйственными навыками. Иногда такие назначения были очень удачными, как, например, назначение Феликса Дзержинского на пост сначала наркома путей сообщения, а потом и председателя ВСНХ. Дзержинский проявил свои таланты администратора, и сумел добиться выхода железных дорог из затяжного послевоенного кризиса, а потом сумел дать первоначальный импульс индустриализации.³ Многие руководители, сами не разбиравшиеся в технических и экономических вопросах, руководили с помощью старых специалистов. Но в то время было много руководителей, которые не умели ничего делать сами, и ни на кого не опирались. Их терпели на руководящих постах только по политическим причинам. Так что назначение Филиппа Голощекина в 1925 году было вполне оправданным, с точки зрения сложившейся сразу после Гражданской войны практики.

Конечно, очевидцы прибытия Голощекина в Кызыл-Орду вряд ли могли предполагать, что этот человек принесет страшное бедствие в республику. На фоне еще не остывшей памяти о Гражданской войне, боях, голодовках и нищете, вряд ли его приезд воспринимался как угроза. Напротив, не исключено, что с его назначением многие тогда связывали самые радужные надежды на скорое восстановление Казахстана и строительство коммунизма.

Мы столь подробно остановились на прибытии Голощекина в Кызыл-Орду и его биографии для того, чтобы показать, что его назначение было явно не случайным, но в то же время изначально не несло в себе явно выраженных признаков какого-либо злого умысла, который мог бы родиться в ЦК РКП(б) или среди окружения Сталина. Его переводили в Казахстан с явной надеждой, что Голощекин сумеет поднять хозяйство республики. Эти факты позво-

² Верхотуров Д. Н. Экономическая революция Сталина. М., «Олма-Пресс», 2006, с. 129

³ Верхотуров Д. Н. Экономическая революция Сталина. М., «Олма-Пресс», 2006; Хромов С. С. Ф. Э. Дзержинский на хозяйственном фронте 1921–1926 гг. М., «Мысль», 1977

ляют понять ту степень доверия, которым он пользовался вплоть до своей отставки в 1933 году, и степень его личного вклада в катастрофическое развитие ситуации.

Похоже, что его личный вклад в хозяйственную катастрофу оказался определяющим фактором. Многие исследователи, в частности Валерий Михайлов, неоднократно подчеркивали, что Голощекин, бывший старым революционером с большим стажем, с заслугами перед революцией, видимо, не получил той власти и славы, на которую рассчитывал в 1917 году. Теперь же ему вручалась власть над целой автономной республикой, и он воспринял это как возможность воплотить в жизнь все свои неудовлетворенные революционные амбиции. Но к этой теме мы еще вернемся.

Теперь стоит рассмотреть, в каком состоянии находился в то время Казахстан, и каким было его хозяйство. Политика Голощекина разворачивалась на фоне состояния экономики КазАССР, которое можно определить как затяжной кризис.

Обычно экономическое состояние Казахской АССР в советской литературе оценивалось весьма оптимистично: «К тому времени Казахстан чуть-чуть оправился от разрушительных последствий гражданской войны и голода 1921–1922 годов. Валовый сбор зерна в 1925 году составил 92 миллиона пудов и приблизился к довоенному уровню, восстанавливалось подорванное лихолетьем животноводство...».⁴

Но с такой оптимистической оценкой хозяйства Казахстана сразу после Гражданской войны вряд ли можно согласиться. Положение было очень тяжелым, в особенности после двух волн голода.

⁴ Михайлов В. Хроника великого джута. Алматы, «Жалын», 1996, с. 80

Две волны голода

Драматические события Гражданской войны вызвали свои экономические последствия и самым явным образом отразились на хозяйственном положении. Наиболее ярким и зримым последствием Гражданской войны в хозяйстве был сильный голод, охвативший многие районы Казахстана.

Голод в Казахстане сразу после Гражданской войны весьма мало известен и практически не упоминался в литературе. Большое внимание привлекал страшный голод 1921 года в Поволжье и на Украине, на борьбу с которым бросались все силы РСФСР и международная помощь, для борьбы с которым создавался «Помгол». Но вот о голоде в Казахстане практически ничего существенного не сообщалось. Если голод 1932 года можно было исследовать по воспоминаниям очевидцев или их детей, то вот очевидцы более раннего голода умерли задолго до того, как появились исследователи, желающие разобраться в этом вопросе.

Из всех многочисленных публикаций по экономической истории Казахстана, сколь угодно подробные сведения о голоде 1921–1922 годов дает только одна публикация – сборник документов «Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.)», в который был включен весьма широкий список документов, в том числе и несколько подробных отчетов по продовольственному положению и борьбе с голодом. Отдельные сведения имеются и в других публикациях.

Валерий Михайлов правильно отмечает: «Почему-то когда мы говорим про голод в степи, то сразу подразумевается голод 30-х годов. А ведь в Казахстане это был второй голод. Первый был в 1919–1922 годах. Поэтому когда исследователи будут заниматься этой проблемой, должны ее разделить на первый и второй периоды».⁵ Действительно, первые две волны голода тоже стали одной из причин возникновения голода 1932 года, и были существенным хозяйственным фактором, с которым Голощекин должен был считаться. Потому необходимо уделить внимания этому вопросу.

Трудности в сельском хозяйстве Казахстана начались сразу с началом Гражданской войны. В 1917 году в земледельческих районах наблюдался неурожай, а зимой 1917/1918 годов наступил джунт.⁶ При этом джунт отмечался в 1916/1917 году.⁷ Надо отметить, что по наблюдениям казахов, большие джунты бывали обычно связаны с годом коян (зайца) традиционного 12-ти летнего мушеля. Некоторые джунты даже получили свои названия. Джунт в 1867/68 году – жалпақ коян жұты, в 1879/1880 году – ұлы коян, в 1891/1892 году – кіші коян, а в 1915/1916 году – тақыр коян.⁸

Недостаток продовольствия сразу стал ощутим, и уже в апреле 1918 года вопрос о посевах на всех свободных землях встал перед Верненской парторганизацией, то есть нехватка продовольствия ощущалась и в одном из наиболее урожайных районов – Семиречье. В 1919 году уже практиковались государственные посевы, весь урожай с которых шел в распоряжение продорганов.

Гражданская война, сопровождающие ее партизанские действия и бандитизм также весьма сильно подорвали возможности сельского хозяйства в Казахстане. Боевые действия, в

⁵ Михайлов В. Хроника великого джунта. Алматы, «Жалын», 1996, с.

⁶ Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 25

⁷ Нейштадт С. А. Социалистические преобразования экономики Казахской ССР в 1917–1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1957, с. 26

⁸ Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 80

основном, велись на территории основных зерновых районов, располагавшихся в Северном Казахстане.

Определенный вклад в ухудшение положения в аграрном производстве внесла продразверстка, заготавливающая значительные количества зерна, мяса, шерсти, кож и другой продукцию. Введенная декретом СНК от 11 января 1919 года, продразверстка предусматривала сдачу всех продуктов сельского хозяйства свыше законодательно установленной потребительской нормы для нужд организации снабжения армии и населения в РСФСР. В конце 1919 – начале 1920 года, когда белогвардейцы в Казахстане были разгромлены, продразверстка была введена и в Киргизской Республике.

По продразверстке в 1920/1921 годах было заготовлено:

Хлеба – 700,8 тысяч пудов,

Проса – 411,9 тысяч пудов,

Мяса – 280 тысяч пудов,

Шерсти – 24,6 тысяч пудов,

Кож – 215 тысяч штук.⁹

По другим сведениям, всего за время существования продразверстки в Казахстане было собрано 4,02 млн. пудов мяса. Сельское хозяйство Казахстана, ослабленное двумя джунтами подряд, неурожаем, в целом ряде районов разоренное военными и партизанскими действиями, многочисленными реквизициями, испытало на себе еще и удар продразверстки. Причиной резкого уменьшения количества скота в 1920–1921 годах были, вне всякого сомнения, масштабные заготовки по продразверстке.

Вообще, Казахстан считался одним из важнейших районов животноводства, потому даже весной 1921 года, после введения продналога, Совнарком РСФСР рассчитывал собрать в Казахстане 2,57 млн. пудов мяса, из которых 0,58 млн. пудов приходилось на продналог, остальное рассчитывали получить путем товарообмена и закупки за деньги.¹⁰ Наркомзем КАССР также рассчитывал на неплохой урожай 1921 года, с валовым сбором в 86 млн. пудов, который должен был дать излишков в размере 26 млн. пудов зерна.¹¹

Однако, итоги Гражданской войны в сельском хозяйстве были весьма неутешительными. поголовье скота сократилось к 1920 году до 16,3 млн. голов против 29,9 млн. голов в 1913 году (по данным ЦК Помгол при ЦИК КАССР, цифры несколько иные: в 1917 году – 29,7 млн. голов, в 1920 году – 9,7 млн. голов¹²). Площадь посевов упала с 4,1 млн. гектар до 3,2 млн. гектар. Валовой сбор зерна сократился на 26 % по сравнению с 1913 годом.¹³ Общие цифры не вполне отражают реальное положение, потому что в ряде губерний посевы из-за боев сократились в разы: в Уральской губернии более чем вдвое, в Семиреченской губернии – в три раза.

Иными словами, возможности для производства продовольственных продуктов в Казахстане резко сократились, и теперь даже средний урожай мог привести к продовольственным трудностям. Это обстоятельство отметил ЦК Помгол при ЦИК КАССР: «Принимая во внимание такое значительное сокращение посевной площади и убыли скота, мы могли рассчитывать, что даже при среднем урожае частичный голод в КАССР был бы неми-

⁹ Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 36

¹⁰ Нейштадт С. А. Социалистические преобразования экономики Казахской ССР в 1917–1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1957, с. 126

¹¹ Дахшлейгер Г. Ф., Нурпеисов К. История крестьянства советского Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, «Наука», 1985, с. 97

¹² Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 198

¹³ Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 32

нуем».¹⁴ В начале 1921 года сельское хозяйство Казахстана находилось в таком состоянии, что достаточно было одного неблагоприятного фактора, чтобы разразилась катастрофа. Это обстоятельство впоследствии снова повторится при коллективизации; сельское хозяйство дошло до примерно такого же остро критического состояния.

В 1921 году падение в сельском хозяйстве продолжилось. Поголовье скота по данным ЦК Помгол упало до 6,2 млн. голов, а посевная площадь до 3,04 млн. гектар.¹⁵ Исчезновение еще 3,5 млн. голов скота и сокращение посевов на 200 тысяч гектаров уже само по себе создавало крайне напряженную продовольственную обстановку, которую в хозяйственную катастрофу превратила засуха лета 1921 года.

Это была очень сильная засуха, основной ущерб которой пришелся на засушливые районы Казахстана. Полностью погиб урожай в Уральской, Оренбургской, Актюбинской, Кустанайской областях.¹⁶ В этих районах в годы нормального увлажнения, осадков едва хватает для средних условий произрастания пшеницы, и количество осадков только на 50–60 мм превышает запасы влаги, необходимой для средних условий вегетации пшеницы.¹⁷ Засуха, практически полное отсутствие мер по задержанию снега и накоплению влаги в почве в 1921 году, привели к гибели урожая. Однако, в силу различных местных особенностей, положение с урожаем могло сильно отличаться от уезда к уезду, и в некоторых из них мог быть собран урожай, позволяющий продержаться хотя бы до весны. По РСФСР была проведена дифференциация уездов. Если в уезде урожай составлял меньше 6 пудов на душу, то он признавался голодающим.¹⁸

Наркомзем КАССР жестоко просчитался в оценке перспектив урожая. В 1921 году реальный сбор составил всего 4,7 млн. пудов, тогда как на голодный продпак и семенной фонд требовалось не менее 22,1 млн. пудов зерна.¹⁹ План сбора продовольствия по разверстке, который еще продолжали собирать, оказался выполнен всего на 17,5 %, и из 22 млн. пудов зерна собрано всего 6 млн. пудов.²⁰ Впрочем, из-за засухи крестьяне в 1921 году не могли сдать ни продразверстку, ни продналог.

В декабре 1921 года в пяти областях и Адаевском уезде КАССР (с общим населением около 2,5 млн. человек), голодало 1,2 млн. человек или 48 %. Голод нарастал с наиболее пострадавших уездов, в которых не было совсем никакого урожая, к менее пострадавшим. Но в начале весны 1922 года, когда все скудные запасы были проедены, голод разразился в полную силу. В апреле 1922 года в Казахстане голодало по приблизительным оценкам около 2,3 млн. человек или 92 % населения. Относительно состояния кочевых районов в это время сведений практически нет, однако можно предположить, что наблюдалась массовая откочевка в более благоприятные районы.

В других районах РСФСР положение было куда сложнее. В неурожайных губерниях, по сводкам ЦК Помгола при ВЦИК, проживало 31 млн. 714 тысяч человек.²¹ Количество голодающих в Казахстане составило 7,2 % от общей численности голодающих в тот год.

¹⁴ Отчет ЦК Помгол при ЦИК КазАССР по борьбе с голодом, 20 июня 1922 года – Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 198

¹⁵ Отчет ЦК Помгол при ЦИК КазАССР по борьбе с голодом, 20 июня 1922 года – Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 198

¹⁶ Кан Г. В. История Казахстана. Алматы, «Алматыкітап», 2005, с. 172

¹⁷ Из опыта освоения целинных и залежных земель в Казахстане (сборник статей). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1955, с. 12–16

¹⁸ Поляков. Ю. А. 1921-й: победа над голодом. М. «Политиздат», 1975, с. 16

¹⁹ Дахшлейгер Г. Ф., Нурпеисов К. История крестьянства советского Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, «Наука», 1985, с. 97

²⁰ Дахшлейгер Г. Ф., Нурпеисов К. История крестьянства советского Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, «Наука», 1985, с. 60

²¹ Поляков. Ю. А. 1921-й: победа над голодом. М. «Политиздат», 1975, с. 18

Первой реакцией на сложившееся положение было образование в июле 1921 года при ЦИК Киргизской (Казахской) АССР Центральной комиссии помощи голодающим, который возглавил председатель КазЦИК тов. Мандешев. 18 июля 1921 года был образован Центральный комитет Помгола во главе с Председателем ВЦИК М. И. Калининым. Помгол в Кирреспублике был образован практически одновременно с образованием центрального Помгола.

Основным средством борьбы с голодом было распределение государственных пайков для голодающих. Ими охватывалось далеко не все население, но, тем не менее, объемы распределения, по данным ЦК Помгол, были довольно значительными. Госголпайк включал в себя 10 фунтов (4 кг) хлеба, 6 фунтов (2,4 кг) крупы и 4 фунта (1,6 кг) мяса в месяц.²²

В ноябре 1921 года на территории, охватывающей современный Западный Казахстан, распределялось 139 тысяч пайков. В январе-феврале 1922 года распределялось 171,85 тысяч пайков. Но уже в марте количество госголпайков резко увеличилось. В марте-мае распределялось уже 392 тысяч пайков.²³ Продовольственная помощь охватывала примерно 17 % голодающего населения в самый пик голода. По данным ЦК Помгол КАСССР за семь месяцев, с ноября 1921 года по май 1922 года было распределено 1 млн. 810,7 тысяч госголпайков. Это потребовало раздачи примерно 72,4 тысяч тонн хлеба, 4,3 тысячи тонн крупы и 2,8 тысяч тонн мяса.

Госголпайк включал в себя строго определенное количество продуктов питания, в основном хлеба, муки, круп, овощей. Он мог выдаваться голодающим в двух видах. В земледельческих районах его чаще всего выдавали через столовые, в которых из госголпайков готовили горячую пищу. В кочевых районах большое распространение получила выдача госголпайка в сухом виде, хотя также были открыты 173 питательные юрты. Кроме продовольственного пайка голодающие снабжались обувью, одеждой, предметами первой необходимости, а также им оказывалась медицинская помощь.²⁴

Продовольственная помощь оказывалась и по другим каналам. В том же отчете ЦК Помгол указывалось, что американский комитет помощи АРА открыл в Казахстане 1549 столовых с выдачей 297759 пайков в сутки. Международный рабочий комитет помощи голодающим (Межрабпомгол) в апреле-мае 1922 года предоставил 10097 пайков в сутки, предназначенные для рабочих на промышленных предприятиях, крайне немногочисленных тогда в Казахстане. Красный Крест предоставлял некоторое время продовольствие на 14 тысяч человек в день. В Уральской губернии работал врачебно-питательный отряд с Украины, который в марте распределял 4 тысячи пайков в сутки. Наконец, квакеры прислали в Кустанайскую губернию 60 вагонов зерна.²⁵

Оценить потери населения от голода очень нелегко из-за крайнего недостатка надежных данных. Убыль населения Киргизской (Казахской) АССР с 1914 по 1922 год приблизительно оценивается в 1 млн. человек, по другим данным в 1,7 млн. человек. Однако, вне всякого сомнения, часть из них погибла в годы Гражданской войны, часть приходится на откочевавшее население, а часть убыли, видимо, стоит отнести на несовершенство статистического учета населения, тем более, что границы автономной республики в то время неод-

²² Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 130

²³ Отчет ЦК Помгол при ЦИК КазАССР по борьбе с голодом, 20 июня 1922 года – Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 198

²⁴ Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 111

²⁵ Отчет ЦК Помгол при ЦИК КазАССР по борьбе с голодом, 20 июня 1922 года – Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 200

нократно изменялись. Потери от голода 1921–1922 годов можно оценить приблизительно в диапазоне от 200 до 400 тысяч человек. Насколько можно судить по документам, в Казахстане в это время не наблюдалось массовой смертности, подобной смертности от голода в Поволжье или на Урале. На этот порядок цифр указывает также количество детей, собранных в детских домах.

Активная помощь голодающим позволила в июне 1922 года ЦК Помгол при КазЦИК сделать вывод: «Судя по последним данным, поступающим с тем, нужно полагать, что голод в КАССР значительно ослаблен». ²⁶

Впоследствии Казахстану оказывалась весьма широкая помощь в продовольственном снабжении и восстановлении сельского хозяйства. До 1 октября 1922 года было собрано 1 млн. 402,4 тысяч пудов продовольствия, из которых 251,1 тысяч пудов было прислано из других губерний РСФСР и из частей РККА, и 143,2 тысячи пудов собрано за счет пожертвований и отчислений. ²⁷ Внешняя негосударственная помощь составила 28 % всего объема заготовленного для республики продовольствия. Остальное приходилось на централизованную помощь государства и сбор продналога по КАССР. Весь продналог и закупленный по товарообмену хлеб был в 1922 году забронирован за республикой.

В посевную кампанию 1922 года Казахстану была оказана значительная помощь семенами, которые составили 60 % всего семенного фонда. В 1923–1924 годах в Казахстан было направлено 11,5 млн. пудов семенной и 3,8 млн. рублей денежной ссуды ²⁸ специально для нужд восстановления сельского хозяйства. Крестьяне долгое время не могли отдать ссуду, выданную в голодные годы, и она была отсрочена до урожая 1924 года, а многие хозяйства и вовсе освобождены от ее возврата. ²⁹

Голод вовсе не отступил в 1922 году. Отдельные его проявления по губерниям и уездам отмечались вплоть до 1925 года. Например, в марте-апреле 1923 года весь Северный Казахстан и прилегающие области Сибири, были охвачены sporadическим голодом. Согласно Госинфсводкам, которые составлялись в ОГПУ, в Уральской губернии голодало около 70 тысяч детей, в Акмолинском уезде насчитывалось 24 тысячи голодающих, а приграничном Тарском уезде Омской губернии вовсе голодало 30–40 % населения. ³⁰

Сразу после подавления голода встала неотложная задача восстановления сельского хозяйства и увеличения производства продовольствия, поскольку Кирреспублика не могла жить только за счет внешних источников. Но вот с восстановлением сельского хозяйства и увеличением запашки были большие трудности, связанные с предельно низким техническим уровнем отрасли.

По подсчетам Наркомзема КАССР, по минимальной потребительской норме требовалось обеспечить запасы в размере не менее 60 млн. пудов зерна. ³¹ При урожае в 92 млн. пудов, запасы зерна позволяли лишь покрыть потребности и что-то направить на посев. Урожай в засушливой степной зоне был очень неустойчивым, а размеры запашки очень незначительные. В среднем в первой половине 1920-х годов хозяйство засеивало 5,8 гектара, среднегодовой урожай составлял 6,2 центнера с гектара. Но при этом из 10 лет 3–4 года были

²⁶ Отчет ЦК Помгол при ЦИК КазАССР по борьбе с голодом, 20 июня 1922 года – Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 202

²⁷ Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 130

²⁸ Нейштадт С. А. Социалистические преобразования экономики Казахской ССР в 1917–1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1957, с. 131

²⁹ «Советская степь», № 1, 20 ноября 1923 года

³⁰ Советская деревня глазами ОГПУ. Т. 2 1923–1929. Документы и материалы. М., «Росспэн», 2000, с. 74, 91, 96

³¹ Дахшлейгер Г. Ф., Нурпеисов К. История крестьянства советского Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, «Наука», 1985, с. 97

неурожайными, когда урожай составлял обычно 1,5–2 центнера с гектара, а то и меньше. В неурожайные годы крестьяне едва возвращали посеянное зерно. Сказывались особенности засушливого климата Казахстана, помноженные на примитивную агротехнику, и полное отсутствие мероприятий по задержанию влаги, в частности. При этом, резкое сокращение запашки по сравнению в довоенными временами, постоянно вынуждало Казахстан балансировать на грани продовольственных затруднений, которые любая засуха могла превратить в голод. Положение со скотом было лучше, количество скота к 1926 году удвоилось по сравнению с весной 1922 года, с 7,8 млн. голов до 13,5 млн. голов.³² Но это было лишь ненамного больше, чем Казахстан имел в 1920 году (13,1 млн. голов). При этом уровень товарности животноводства не превышал 7–10 %.

Крайне низким был технический уровень сельского хозяйства, даже в растениеводстве. По данным 1920 года в Казахстане насчитывалось в использовании 317,5 тысяч деревянных сох, косулей и сабанов, 207,8 тысяч деревянных борон, 30,9 тысяч железных борон, и только 8234 конных сеялки. Трактора и более сложные сельхозмашины появились только при Советской власти и были необычайной редкостью. Разумеется, руководство Кирреспублики прилагало огромные усилия к заводу в Казахстан сельхозорудий, насколько это можно было сделать в тех условиях, когда заводы только стали подниматься после военной разрухи, а закупки за рубежом были очень ограниченными. Все же, усилия дали определенный результат. В 1923–1925 годах было ввезено 21961 плуг, 1089 сеялок, 22594 уборочных машин разного типа, 1155 молотилок, 391 трактор.³³ Но и этого было очень мало, в особенности с учетом огромных пространств Казахстана и большого количества практически не Kooperированных крестьянских хозяйств (в 1926 году учтено 1220668 хозяйств³⁴). Кооперативное движение тогда далеко не было движущей силой в сельском хозяйстве. Валерий Михайлов приводит цифры кооперации на 1925 год: 2811 кооперативов, в которых состояло более 320 тысяч хозяйств,³⁵ 26,2 % от численности хозяйств. При этом, далеко не все кооперативы были производственными, значительная часть из них была потребительской, сбытовой, кредитной кооперацией.

Экономика Казакской АССР полностью зависела от сельского хозяйства. В валовой продукции сельскохозяйственный сектор занимал 84,4 %, а отдельно животноводство – 48,5 %.³⁶ С такими показателями, у КазАССР было крайне ограниченное пространство для хозяйственного маневра. Подобное положение не оставляло особых надежд на быстрый и динамичный подъем этой главной отрасли экономики КазАССР. Валовой объем сельскохозяйственной продукции только в 1927/28 году достиг довоенного уровня, то есть в 1925 году говорить о восстановлении было очень и очень рано. Напротив, состояние сельского хозяйства в то время можно оценить как состояние затяжного кризиса, с небольшой тенденцией к улучшению.

Уровень развития промышленности, транспорта, связи в Кирреспублике в середине 1920-х годов был потрясюще низким. Практически не было переработки сельскохозяйственной продукции, до такой степени, что основная часть ее просто вывозилась сырьем за пределы республики. Вывозился живой скот, по причине крайне слабого развития мясокомби-

³² Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 112–113

³³ Нейштадт С. А. Социалистические преобразования экономики Казахской ССР в 1917–1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1957, с. 196

³⁴ Чуланов Г. У., Ишмухамедов Б. М., Чечелева Т. В., Жубанов З. Г. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР. Т. II. (1928 – июнь 1941 гг.). Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 228

³⁵ Михайлов В. Хроника великого джута. Алматы, «Жалын», 1996, с. 80

³⁶ Нейштадт С. А. Социалистические преобразования экономики Казахской ССР в 1917–1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1957, с. 199

натов. Единственная индустрия, которая до революции бурно развивалась в Казахстане, это была обработка и выделка кож. В годы Гражданской войны эта отрасль внесла серьезный вклад в победу Красной Армии своими поставками обуви и предметов снаряжения, а после войны стала ведущей отраслью промышленности Кирреспублики. Ее значение сохранялось довольно долго. Кожевенная промышленность и накануне первой пятилетки давала 22 % промышленной продукции в КазАССР. Но при этом, 75 % крупных шкур, 96 % мелких шкур, 98 % шерсти, а также весь хлопок, кенаф, конский волос, щетина, кишки, пушнина – полностью вывозились из Казахстана. Тогда была настолько слабая промышленность, что сейчас в это с трудом верится. В 1924 году из предприятий ВСНХ работало 57, еще 22 предприятия было сдано в аренду, а 153 – было закрыто.³⁷

Крайне был слабо развит транспорт, что не позволяло перераспределять по территории республики продовольствие в случае необходимости. Да и сам транспорт, в то время широко использовавший гужевую тягу, сам требовал большое количество фуражного зерна и сена. Развитие железных дорог было очень низким. В 1925 году было всего 3241 км железных дорог, из которых 266,5 км было построено за строительный сезон 1924 года.³⁸

Бедность республики чувствовалась во всем, и это можно почувствовать даже сейчас. Брошюра В. Н. Вельмана «Народное хозяйство КСССР и наши очередные задачи» была напечатана на исключительно скверной бумаге и набрана пятью разными шрифтами, что говорит о крайнем дефиците типографских литер в типографии. Если даже правительство испытывало такие трудности, то что же говорить обо всех остальных?

Так что хозяйственная политика составляла тогда главную и наиболее насущную задачу в Казахстане. Хозяйство требовало пристального внимания и было далеко не очевидно, каким образом решить многочисленные проблемы.

³⁷ Вельман В. Н. Народное хозяйство КСССР и наши очередные задачи. Оренбург, 1924, с. 23

³⁸ Дахшлейгер Г. Ф. Турксиб – первенец социалистической индустриализации (очерки истории постройки Турксиба). Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1953, с. 32

Первые речи

Казалось бы, в таких условиях Филипп Голощекин должен с головой окунуться в гущу экономических проблем и заняться их решением. Тут работы было с переизбытком. Однако, этого не случилось. Уже в первом своем докладе на V Всеказахстанской конференции, открывшейся 1 декабря 1925 года в Кызыл-Орде, то есть спустя 10 недель после прибытия в Казахстан, Голощекин заявил не о развитии хозяйства республики, а о политике советизации аула. По сути, он подхватил официальную позицию ЦК РКП(б), которые еще в 1924 году постановил, что советской власти в казахском ауле нет. Голощекин на конференции зачитал письмо ЦК РКП(б) большевикам Казахстана, в котором была поставлена задача создания советской власти в аулах: «ЦК, учитывая, что в Кирреспублике Советы находятся в особо тяжелом положении и фактически в аулах Советов нет, считает необходимым принять все меры к действительному созданию советской власти в аулах и кишлаках...».³⁹

Правда, нельзя сказать, что Голощекин совсем не понимал трудностей сложившегося положения в Казахстане. Понимал вполне, из-за чего в своем дальнейшем докладе он связал лозунг советизации аула со всеми наиболее острыми проблемами в Казахстане того времени: «Сказать, что в Казахстане нет советской власти – неверно. Есть советская власть здесь, но если поставить шире вопрос о советизации Казахстана, как об организации масс, как вопрос формы, в которой происходит, если хотите, национальное самоопределение, формы, в которой можно провести культурно-политический рост, формы, создающей экономическое освобождение, формы, высвобождающей из-под эксплуатации, то мы должны сказать, что у нас есть огромные недостатки».⁴⁰

Лозунг о советизации аула многими авторами воспринимался как выражение планов Голощекина устроить голод в Казахстане. Роль этой политики в предпосылках голода 1932 года мы еще рассмотрим далее, но в отношении 1925 года с этим трудно согласиться. Тут надо принять во внимание несколько факторов, которые подвигли Голощекина к такому решению. Во-первых, это его выступление было первым после назначения на самый высокий пост после революции, и ему надо было оправдать возложенное на него доверие, хотя бы демонстрацией лояльности курсу ЦК партии в этом вопросе. Ссылка на письмо ЦК и тезис о советизации аула этой задаче вполне соответствовал.

Во-вторых, анализ экономических проблем занимал очень много времени, и очень сильно осложнялся тем, что трудно было получить информацию, а организованной статистики тогда в Казахстане и вовсе не было. В 1925 году в Оренбурге был выпущен справочник «Весь Казахстан на 1925–1926 годы», во введении к которому было прямо сказано: «... причем в целях точности материалов издательство получало таковые непосредственно и официальные материалы от самых отдаленнейших органов всей республики... издательство опирается лишь на эти прямые сведения с мест, а не подведомственных журналов, которые зачастую являются неточными».⁴¹

Это прямое признание, что со статистикой в КазАССР тогда все обстояло очень плохо, в особенности в ведомствах. Но и автор этого справочника «журналист-инвалид» А. Большаков, смог собрать только самые общие, справочные сведения о различных отраслях хозяйства. Данных, которые бы характеризовали динамику развития хозяйства республики, у него не было. Многие данные были устаревшими, как данные по посевам, которые приводятся у него за 1923 год. Потому Голощекин по первому времени своего пребывания в Казахстане,

³⁹ Цит. по: Михайлов В. Хроника великого джута. Алматы, «Жалын», 1996, с. 81

⁴⁰ Цит. по: Михайлов В. Хроника великого джута. Алматы, «Жалын», 1996, с. 82

⁴¹ Весь Казахстан на 1925–1926 годы. Оренбург, 1925, с... 35

просто не мог получить какого-либо четкого и обоснованного представления о хозяйстве, в особенности крестьянском и скотоводческом. Неоткуда было ему взять необходимых данных. И, как мы увидим впоследствии, не было также определенности в отношении экономического развития Казахстана и способов преодоления многочисленных проблем.

В своем докладе Голощекин заговорил в первую очередь о политике и советизации аула, и в том большой вины нет, учитывая приведенные обстоятельства. Но в дальнейшем он не только не скорректировал тезисы своего первого выступления, не только держался за них всеми силами даже перед лицом небывалой хозяйственной катастрофы, но и не провел никакой работы, которая бы помогла ему оформить правильную хозяйственную политику. Хозяйственное руководство Казахстана под его началом дошло до использования фальсифицированных, дутых цифр в планировании и составлении заданий по хлебо- и мясозаготовкам. В дальнейшем мы постараемся, насколько это будут позволять имеющиеся материалы, проанализировать этот механизм самообмана.

Глава вторая*Пахать или пасти?**

В дальнейшем изложении нам придется на время оставить Филиппа Голощекина и его политику, и углубиться в детали хозяйственного положения в Казахстане в 1920-х годах, а также проследить за перипетиями споров вокруг курса дальнейшего развития республики. Эти споры были очень острыми, сопровождались политическими обвинениями, но в то же время они показывают, что вопрос о том, как развивать Казахстан, был далеко не простым, был далеко не однозначным, и существовали различные точки зрения.

Но для начала нужно все же немного посвятить внимание традиционным видам сельского хозяйства в Казахстане – ведущей отрасли экономики 1920-х годов. Можно выделить три типа: казахское скотоводство, казахское поливное земледелие, а также крестьянское хозяйство европейского типа (русское или украинское) с сочетанием земледелия и скотоводства.

Казахское скотоводство

Скотоводческое хозяйство в то время было основным видом сельского хозяйства в Казахстане, недаром оно занимало такую огромную долю в экономике республики. Оно же было главным источником средств пропитания для основной массы населения Казахстана, и давало весьма небольшую долю товарной продукции. Из-за слабого развития транспорта, из-за нехватки забойных площадок, мясокомбинатов и холодильников, а также пищевой промышленности, животноводство практически не развивалось в направлении товарного производства, и велось практически теми же методами, что и сотни лет назад.

В этнографических материалах, собранных во второй половине XIX – начале XX века в Казахстане, казахское кочевое скотоводство было весьма подробно описано. Но, к сожалению, цельные и систематические описания скотоводства появились только во 1980–1990-х годах, то есть много времени спустя после катастрофы. В начале XX века система кочевого скотоводства была изучена очень плохо, что и сыграло большую роль в хозяйственной катастрофе. «Кочевое хозяйство до сих пор до такой степени *terra incognita*, что даже трудно познакомиться с ним по литературе», – писал В. А. Остафьев.⁴²

Кочевое скотоводство в Казахстане развивалось в очень своеобразных условиях. Наиболее значимым географическим фактором было то, что основные пастбища находились в переходной полосе, пролегающей между 48 и 50 градусами северной широты. К северу климат был значительно холоднее, зима до 5 месяцев, зимние температуры опускались до -45 градусов и ниже. Обилие снега затрудняло выпас скота. Южнее лежала пустынная зона, в которой климат был жарким и засушливым: зима около 1 месяца, малое выпадение снега и недолгое его задержание, летом температура поднималась до +45 градусов, что приводило к выгоранию трав.⁴³ Эти географические условия создавали кардинально разные требования к выпасу скота. Достаточно сказать, что для выпаса овец требовалось минимум 5–7 га в степях и 12–24 га в полупустынях и пустынях.⁴⁴ По всей территории Казахстана условия для выпаса скота были неодинаковыми, часто мозаичными. Потому скот приходилось перегонять с одного пастбища на другое.

Наличие кормов и воды определяли состав стада. Для годового прокорма овцы требовалось 1314 кг сухой массы кормов и 1,5 кубометра воды. При этом, из 288 видов растений только 167 видов поедались овцами.⁴⁵ Поскольку овцы поедали больше всего видов растений и могли пить почти любую воду, даже с соленостью до 10 гр/литр, то неудивительно, что овцы составляли основу стада у казахов. В среднем овец было 60 %, но на Мангышлаке доля овец доходила до 85 %. Напротив, крупный рогатый скот мог поедать всего 48 видов растений и требовал пресной воды с соленостью не более 2,5 гр/литр, то эти виды скота составляли в среднем 12,3 % стада. При этом основная доля крупнорогатого скота находилась в Северном Казахстане, где были подходящие корма и пресная вода, и где доля в стаде доходила до 30 %.

И. Э. Масанов выделил два типа скотоводческого хозяйства. Первое характеризовалось длительными круглогодичными кочевками по колодцам, долей овец от 60 % и зимовками в безводных местах. Второе характеризовалось равномерным кочеванием с летовок

⁴² Цит. по: Масанов В. А. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата, «Наука», 1984, с. 10

⁴³ Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 59

⁴⁴ Масанов И. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы, «Социнвест» – М., «Горизонт», 1995, с. 29

⁴⁵ Масанов И. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы, «Социнвест» – М., «Горизонт», 1995, с. 67

на зимовки, долей крупнорогатого скота в 25–30 %, длительными зимовками со стойловым содержанием скота.⁴⁶

Засушливый климат и низкая продуктивность пастбищ, заставляли круглый год держать скот на подножном корму, не позволяли переходить на большей части степей и полупустынь к оседлому скотоводству и земледелию, а заставляли передвигаться вслед за скотом. Это и составляло сущность кочевого хозяйства, которое, по С. И. Руденко, слагалось из трех принципов:

1. Скотоводство как основное занятие.
2. Круглогодичное содержание скота на подножном корму с учетом разнородности пастбищ.
3. Подвижный образ жизни большинства населения.⁴⁷

Для успешного кочевания надо было в совершенстве знать состав растительного покрова в конкретных урочищах, степень ее поедаемости скотом, время вегетации, обеспеченность водой пастбищ и учитывать множество других факторов, связанных с погодой, для определения времени и маршрута перекочевки. Современные авторы подчеркивают, что даже не все аксакалы обладали такими исчерпывающими знаниями природы и климата, чтобы обеспечить успешное кочевание. Потому, как правило, даже главы родов беспрекословно слушались тех, кто имел такой опыт.

Однако, степень развития кочевого хозяйства были различными для разных регионов Казахстана. Полностью кочевой образ жизни вели казахи Мангышлакского, Темирского, Атбасарского, Казалинского, Иргизского, Тургайского уездов, находившиеся в засушливой зоне, в которой кормов на пастбищах было немного, и аулы вынуждены были постоянно перегонять его с одного пастбища на другое. Маршруты кочевания пролегали от колодца до колодца, которых было создано очень много. В 1873 году на Мангышлаке было учтено 1133 колодца.⁴⁸ Эти колодцы были долговременными, и часто эксплуатировались до 150–200 лет. Не редкость были колодцы, построенные в XVIII веке. Но также много колодцев высыхало и приходило в негодность, потому ежегодно на Мангышлаке кочевники рыли, по различным данным, от 200 до 600 новых колодцев. В пустынях многие пастбища были пригодны только летом, или наоборот, только зимой, вроде островов на Аральском море, на которых можно было пасти скот только зимой, когда туда можно было перейти по льду и когда там был снег. Летом там можно было погибнуть от отсутствия питьевой воды. В ряде мест Казахстана условия были настолько разные для зимы и лета, что они вынуждали кочевать на дальние расстояния. Например, казахи южной части Атбасарского уезда каждый год кочевали на расстояние до 1000 км, до реки Чу.⁴⁹ В других же местах, где условия были более благоприятными, кочевки происходили на расстояние 10–15 км. Некоторые хозяйства кочевали на расстояние 2500 км, делая до 107 остановок в год.⁵⁰

⁴⁶ Масанов И. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы, «Социнвест» – М., «Горизонт», 1995, с. 84

⁴⁷ Руденко С. И. К вопросу о форме скотоводческого хозяйства и о кочевничестве. // Географическое общество СССР. Материалы по отделению этнографии. Ч. 1. Л., «Наука», 1961, с. 3–5

⁴⁸ Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 70

⁴⁹ Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 76

⁵⁰ Масанов В. А. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата, «Наука», 1984, с. 39

Наиболее распространенным в начале XX века типом казахского скотоводческого хозяйства было экстенсивное полукочевое хозяйство, в котором сочеталось кочевание (как правило с зимних на летние пастбища и наоборот, на расстояние 20–50 км), полустойловое содержание с сенокосом (от 44 до 96 % хозяйств по различным уездам Центрального и Восточного Казахстана) с длительными зимовками, и поливное земледелие.⁵¹ В Семиречье даже культивировалась кормовая люцерна для подкормки скота.⁵²

Однако, основная часть скота в полукочевых хозяйствах содержалась на подножном корму и перегонялась с пастбища на пастбище. Существовало две системы перегона. Первый, наиболее сложный, предусматривал отдельные пастбища для четырех сезонов: зимние, весенние, летние, осенние. Второй способ предусматривал пастбища для осенне-зимнего и весенне-летнего сезонов.

Наиболее сложным было обеспечение выпаса скота в зимний период, и зимовки были важнейшим элементом полукочевого хозяйства. От них буквально зависела жизнь скотоводческого хозяйства. На зимовках стояли небольшие аулы, от 5 до 25 хозяйств. Число скота жестко лимитировалось вместимостью зимних пастбищ.

На зимовках скот выпасался как правило отдельно. На зимовках пастбищные угодья делились на части, для разного скота. Самыми дальними были пастбища для лошадей – атарқан, куда отгонялся қос лошадей, обычно в 400–500 голов, иногда до 1500 голов. Лошадей отгоняли на 100–200 км от зимовки. Самыми близкими к зимовке были овечьи пастбища – қойтебін, в радиусе не более 3–4 км от зимовки, на которых выпасался қотан овец, обычно в 300–400 голов. Отдельно выделялись пастбища для телят – бзаужері, и для дойных кобылиц – биежері.⁵³

Раздельный выпас скота нарушался во время джутов, когда формировалась плотная корка наста, или во время выпадения глубокого снега. В это время скот несколько раз прогонялся по пастбищу. Сначала выпасались лошади, съедавшие верхние части растений и разбивавшие наст копытами. Затем выпасались верблюды и крупнорогатый скот, а затем – овцы, которые доставали нижние части растений. Это был способ выпаса скота в экстремальных условиях, и обычно он не применялся.⁵⁴

Ранней весной кочевые хозяйства снимались с зимовки и уходили на поиск корма, разбредаясь по степи отдельными юртами. Это был период интенсивного кочевания с кратковременными остановками. В это же время проводилась случка, кастрация, клеймение скота, а также начиналось доение и заготовка молочных продуктов. Поздней весной хозяйства переходили на летние пастбища.⁵⁵

Летние пастбища, богатые травостоем и водой, вмещали много скота, и на летовках кочевники могли стоять большими аулами, с длительными остановками и кратковременными переходами, которые вызывались в основном необходимостью водопоя скота. На летовках иногда собиралось до несколько сотен юрт. В это же время проводились тои и курултаи, на которые могли собираться до нескольких десятков тысяч человек.

Осенью кочевники выбирали пастбища поближе к зимовкам, и быстро двигались к своим зимним пастбищам, чтобы успеть прийти к ним до первых снегопадов. В старину

⁵¹ Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 87–89

⁵² Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алматы, «Казахстан», 1995, с. 32

⁵³ Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 79

⁵⁴ Масанов И. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы, «Социвест» – М., «Горизонт», 1995, с. 100

⁵⁵ Масанов И. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы, «Социвест» – М., «Горизонт», 1995, с. 103

часто сигнал к движению на зимовки подавал хан, но в начале XX века время начала перекочевки на зимовки определяли наиболее опытные аксакалы.

Этому циклу перекочевки были подчинены все остальные работы и заготовка продуктов. На весенних, летних и осенних пастбищах проводилось доение скота, заготавливались молочные продукты: уыз, сары су (сыворожка), құрт (сыр), ажыған кёже (молочная похлебка), қымыз, қойыртпақ (напиток из смеси кислого и пресного молока), қорықтық, қою сүт (густое молоко). Эти продукты составляли основу летнего рациона казахов. В это же время коптился сыр на зиму. Осенью происходил забой скота и копчение мяса на зиму. Весной перед откочевкой на летовки, и осенью перед откочевкой на зимовку, происходила стрижка овец, и из шерсти делался войлок. Летом также изготавливались необходимые в хозяйстве предметы, и детали юрты.

Иными словами, кочевое хозяйство обладало своим ритмом и графиком хозяйственным работ, который неукоснительно выдерживался. Начало новых работ всегда сопровождалось специальными праздниками. Отступление от этого графика всегда было чревато падением скота, и к этому прибегали только в чрезвычайных обстоятельствах, в прошлом, при военных поражениях.

В ряде уездов, в основном в Северном и Северо-Восточном Казахстане, на Алтае, в начале XX века казахи стали переходить к оседлой форме хозяйства, сильно напоминающей русское хозяйство, с развитым сенокосением и земледелием. Скот содержался в стойлах с подкормкой сеном, а сами аулы становились оседлыми. Казахи этих районов строили постоянные избы, загоны и сараи для скота. В этих районах раньше всего началось оседание казахов. На процесс оседания казахов в начале XX века также большое влияние оказала конфискация земли русскими властями в пользу казаков и переселенцев. Изъятие земель приняло весьма масштабный характер. Всего было изъято 17,7 млн. десятин земли (из 242,8 млн. десятин угодий).⁵⁶ Резкое сокращение площади пастбищ вынудили многие казахские аулы перейти к оседлому хозяйству, перенять сенокосение, стойловое скотоводство, а также заниматься земледелием.

⁵⁶ Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община (вопросы образования, эволюции и разложения). Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1964, с. 130

Казахское земледелие

Вопреки распространенному представлению, казахи были издавна знакомы с земледелием, однако оно приобрело большое значение с конца XVIII века. Регион наибольшего развития казахского земледелия охватывал течение рек Сырдарьи, Или, Чу, Талас, и горы Каратау с многочисленными водотоками, пригодными для сеево-ручьевого поливного земледелия, междуречье Жанадарьи и Кувандарьи, речные долины Черного Иртыша, у озера Зайсан на равнине, на западных и северных склонах Тарбагатай, в бассейне рек Тургай, Иргиз, Орь, Ураль, Хобда, Эмба.⁵⁷ Единого земледельческого пояса у казахов так и не сложилось, но очаги земледелия имелись практически во всех уголках Казахстана, кроме Мангышлака и Устьурта.

Наиболее характерной чертой казахского земледелия было то, что казахи всегда стремились вести именно поливное земледелие. Даже в тех районах, где можно было вести хозяйство европейского типа, казахи все равно старались поливать поля, хотя бы раз в год перед посевом. В Усть-Каменогорском уезде казахи обрабатывали не самые лучшие земли, а только пригодные для устройства орошения. «Казахскому хозяйству были известны разные виды орошаемого земледелия, от самых примитивных до самых сложных его форм».⁵⁸

Самые примитивные формы: орошение полей талой водой – суалма-егін, орошение путем строительства запруд – бөгей, ручной черпак – атпа. Сложные формы орошения: распределение воды из магистральных каналов – тоған, чигирное орошение разных типов – шығыр, а также система кяризов, которая существовала в районе городища Мырт-тобе (Сауран) с XVI века.

В южных уездах существовали мощные системы каналов, орошающие большую площадь. Так тоған Аулие-Ата имел протяженность 9,8 верст и орошал 212 десятин, тоған Чиил в Петровском уезде орошал 7000 десятин. Казахам были известны весьма сложные гидротехнические сооружения. Так тоған Карабур в Аулие-Атинском уезде был проложен в сильно пересеченной местности, и включал в себя туннель и несколько акведуков через каналы, лога и овраги.⁵⁹ Только в Чимкентском уезде в 1890 году насчитывалось 239 каналов и арыков, общей протяженностью более 3000 верст.⁶⁰

Шығыр занимал большую долю в поливном земледелии в Тургайском уезде по всему течению Тургай и Иргиза. Казахский шығыр представлял собой колесо, диаметром до 5 метров, по ободу которого крепились деревянные или кожаные ведра, установленное в глубокой яме, соединенном каналом с рекой.

Иногда применялись самобытные системы орошения, как например, у Балхаша, где казахи копали большие ямы у рек, из которых выводили каналы. Также был известен способ озерного орошения – көлтабан, то есть посев по дну пересыхающих озер, распространенный по Сырдарье и в низовьях Таласа.

Казахи орошали поля либо затоплением, когда поле разбивалось на участки, которые заливались по очереди, либо поливали по бороздкам. Земля вспахивалась колесным плугом

⁵⁷ Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 155–161

⁵⁸ Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 164

⁵⁹ Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 181

⁶⁰ Макаров И. Ф. Казахское земледелие в конце XIX – начале XX века (По материалам экспедиционных обследований 1896–1913 годов). // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник III. М., «Издательство АН СССР», 1959, с. 393

– сабан, сохой – жерағаш, или «тюменской сохой» – сохой с отвалом.⁶¹ Казахи, в основном, сеяли просо – тары, традиционную земледельческую культуру, но в начале XX века в большей части уездов стали сеять пшеницу – бидай. Урожай скашивали серпом – орак, или косой – шалғы орак, связывали в снопы – бау, и обмолачивали на гумнах – кырмақ, которые чаще всего делались или на самом поле, или у ворот ограды пашни. Хлеб молотили с помощью скота на тщательно утрамбованных заранее площадках, затем полуочищенное зерно просеивали, и складывали в зерновые ямы – ұра, вместимостью от 40 до 200 пудов. Все сельскохозяйственные работы начинались с обрядов и праздников.

Этнографические материалы показывают сильные различия казахского земледелия от европейского, а также в казахском языке есть тюркские термины для всех зерновых культур и их сортов (так просо имело три сорта: ақ тары, қызыл тары, шоқай), сельскохозяйственного инвентаря и гидротехнических сооружений, для сельскохозяйственных операций. Это показывает, что несмотря на позднее развитие земледелия у казахов, оно не было заимствовано от русских. Развитие казахского земледелия тесно связано с древним развитием земледелия в Центральной Азии и Южной Сибири.

В 1906 году казахи засевали 417,8 тысяч десятин, а в 1916 году – 648 тысяч десятин.⁶²

Другой характерной чертой казахского сельского хозяйства было его сочетание с кочевым скотоводством. Многие кочевые хозяйства имели посеы, которые высевали на зимовках перед откочевкой на летовки, и собирали урожай после возвращения. Богатые скотоводы также имели свои пашни, на которых работали зависимые от них бедные сородичи – ортак, тогда как сами баи кочевали вместе со скотом.

Обычно считалось, что переход к земледелию и оседлости определялся невозможность вести кочевое хозяйство, потерей скота и пастбищ. Однако, обследования установили, что в начале XX века имелась любопытная тенденция: богатые скотоводы имели большие посеы, и чем больше было скота у бая, тем больше у него была запашка. Хозяйства, имеющие более 100 голов скота, в среднем обрабатывали 30–32 десятины, тогда как бесскотные хозяйства – от 1,5 до 3,5 десятин. В Кустанайском уезде среди бесскотных хозяйств имели посеы 55,6 %, а среди хозяйств, имеющих 10–50, 50–100, и более 100 голов скота, 84,5–87 % имели запашку.⁶³ В общем, это неудивительно, поскольку богатое хозяйство легко могло выделить лошадей для земледельческих работ.

Доход только от земледелия был незначительным, но он возрастал в зависимости от обеспеченности скотом. Хозяйство с 10 головами скота получало годовой доход 11,5 рублей, тогда как хозяйство со стадом 10–20 голов – 43,5 рубля. В таких хозяйствах, скотоводство невозможно было отделить от земледелия. В более богатых хозяйствах, земледелие носило явно выраженный подсобный характер, и в начале XX века стремительно эволюционировало в товарное хозяйство, урожай которого шел на продажу, хотя основной доход богатые скотоводы получали от продажи скота, кож и шерсти.

К теме социальных отношений в казахском ауле, методов эксплуатации, мы вернемся позднее.

⁶¹ Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 205–215

⁶² Макаров И. Ф. Казахское земледелие в конце XIX – начале XX века (По материалам экспедиционных обследований 1896–1913 годов). // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник III. М., «Издательство АН СССР», 1959, с. 395

⁶³ Макаров И. Ф. Казахское земледелие в конце XIX – начале XX века (По материалам экспедиционных обследований 1896–1913 годов). // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник III. М., «Издательство АН СССР», 1959, с. 414–420

Хозяйство европейского типа

Массовое переселение крестьян из европейских губерний Российской империи, которое началось во второй половине XIX века, довольно быстро привело к появлению в Казахстане нового типа сельского хозяйства – европейского типа, как его называли в экономической литературе 1920-х годов. Оно было представлено преимущественно хозяйствами русских и украинских переселенцев. Несмотря на серьезные этнографические различия, в целом, переселенцы вели хозяйство примерно одинакового типа.

Первые самовольные переселенцы из тобольских и пермских крестьян пришли в Казахстан в 1866 году в Акмолинскую область, и поселились у озера Саумал-куль, где стали вести хозяйство на арендованной у казахов земле.⁶⁴ Официально разрешенное переселение было открыто 13 июля 1889 года решением Госсвета, открывшего переселение в Акмолинскую область. Сразу же за этим разрешением, сильный неурожай и голод в европейских губерниях создал мощный поток переселенцев в Казахстан.⁶⁵ В период 1897–1916 годов, в Казахстан и Киргизию переселилось 1,3 млн. человек, основная масса которых – 56,2 % поселилась в Акмолинской области.⁶⁶

Размещение переселенцев производилось, как правило, на конфискованных у казахов землях. Этот способ сторонниками колонизации считался наиболее эффективным. Однако, в реальной практике многие крестьяне устраивались на арендованных у казахов землях, которые они снимали в краткосрочную аренду на 3–4 года. У казахов русские крестьяне арендовали и сенокосы, которые всегда сдавались на один съём травы.⁶⁷

Хозяйство европейского типа сочетало в себе пашенное земледелие с оседлым скотоводством. В начале колонизации каждому хозяйству выделялось 40 десятин земли, на которой крестьянин мог заводить пашню, пастбище и сенокос. За время активной колонизации средняя площадь земли, занимаемой одним европейским хозяйством мало менялась. Вместе с пастбищами и сенокосами, на одно европейское хозяйство в 1927 году приходилось, в среднем 56,8 гектаров, тогда как среднее казахское хозяйство занимало площадь 244,8 гектаров.⁶⁸

В конце XIX века в среде русских крестьян стало развиваться занятие огородничеством и бахчеводством, продукция которого отправлялась на продажу. В горных районах Семипалатинской области развивалось пчеловодство. В 1890-х годах, в Северном Казахстане, в районах, прилегающих к железной дороге, стало развиваться товарное маслоделие.

Однако, главным занятием и целью переселения в Казахстан, для русских крестьян было пашенное земледелие. Переселенцы с помощью сабанов, в которые запрягали волов, поднимали целину и сеяли по ней преимущественно пшеницу, которая считалась среди русских крестьян наиболее ценным хлебом. В силу засушливых условий Казахстана, для сельского хозяйства европейского типа были характерны сильнейшие колебания урожайности от 1,5–2 ц/га в неурожайные годы до 32 ц/га в урожайные годы. Средняя урожайность состав-

⁶⁴ Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX века – 1917 год). М., «Наука», 1986, с. 111

⁶⁵ Кауфман А. А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб, 1897, с. 10

⁶⁶ Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX века – 1917 год). М., «Наука», 1986, с. 160

⁶⁷ Кауфман А. А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб, 1897, с. 158

⁶⁸ Состояние сельского хозяйства Казахской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казахской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год). М., 1930, с. 38

ляла 6,24 ц/га.⁶⁹ При этом, крестьяне старались сеять именно пшеницу, не считая рожь и просо ценным хлебом.

По поводу русской запашки в Казахстане уже в дореволюционной литературе было много написано, и большая часть авторов считала европейское хозяйство более передовым, нежели казахское. Как считает известный русский агроном, непосредственно занимавшийся переселенческим хозяйством в Тургайской области, А. А. Кауфман, это мнение основывалось на том, что зажиточные русские переселенческие хозяйства использовали заводские железные плуги и сельскохозяйственные машины, которых тогда у казахов не было.

Но, основываясь на собственных исследованиях, А. А. Кауфман призывал не обманываться внешним обликом европейского хозяйства: «Между тем, если не идти далее внешне-сти, то хозяйство тургайских поселенцев, и особенно – зажиточных хуторян, может производить на наблюдателя благоприятное впечатление, может показаться весьма способным к прогрессивному развитию...».⁷⁰

Однако, по его наблюдениям, железный плуг использовался наряду с сабаном, поскольку с помощью сабана вспахивали целину, а железными плугами вспахивали поле на второй-третий год. Косилки использовались для скашивания степного ковыля, который не скашивался косой, а применение других сельхозмашин определялось дороговизной наемного труда.⁷¹

Но при этом все хозяйство переселенцев стояло на хищнической эксплуатации естественного плодородия целины. Крестьяне в массе своей пахали целину в течение 3–4 лет, пока она давала хороший урожай, затем забрасывали выпашанную землю и переходили на новый участок, «... и лишь крайне неохотно возвращались на землю, когда-либо ранее уже паханную».⁷²

В большей части публикаций о русском переселенческом хозяйстве в Казахстане, эту систему землепользования называли залежно-переложной, когда выпашанный участок забрасывался на 6–10 лет. Однако А. А. Кауфман в Тургайской области описал сложение у русских чего-то вроде полукочевого пашенного земледелия, когда каждые 3–4 года крестьяне перемещались с выпашанного участка на целину, «каждый распахивал все, что может распахать... так как знал, что то, что не вспахал он, будет вспахано кем-нибудь другим».⁷³ По этой причине русские крестьяне выпашивали целину до последней возможности, не оставляли покосов и выгонов, не желая оставлять плодородную землю другим. После подобных «перекочевок» оставались огромные пустыри, заросшие бурьяном.

Движимые этой целью найти плодородную целину и как можно быстрее снять с нее все самое ценное, затратив минимум усилий, русские переселенцы быстро покидали выделенные им участки, и принимались арендовать целинную землю у казахов, все дальше и дальше вглубь степей. Поселки становились временными, крестьяне выезжали на хутора, и появились даже поля, куда крестьяне приезжали только на время сельхозработ. По мере движения за целиной, земледелие приобретало все более и более полукочевой характер. К слову сказать, экономисты конца 1920-х годов в Казахстане признавали существование полукочевого земледелия.

Во главе этого движения стояли как раз зажиточные хуторяне, чьи хозяйства сторонники колонизации часто приводили как пример передового, прогрессивного хозяйства.

⁶⁹ Состояние сельского хозяйства Казахской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казахской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год). М., 1930, с. 48

⁷⁰ Кауфман А. А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб, 1897, с. 188

⁷¹ Кауфман А. А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб, 1897, с. 189

⁷² Кауфман А. А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб, 1897, с. 13

⁷³ Кауфман А. А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб, 1897, с. 192

«Повторю: распространенность улучшенных пахотных орудий и машин легче всего вводит в заблуждение относительно истинного характера хозяйства зажиточных поселенцев, и в частности – хуторян. Но в действительности, этот характер остается в высшей степени хищническим, а улучшенные орудия и машины являются лишь усовершенствованным средством для извлечения из почвы ее последних соков».⁷⁴ Именно они более всего противились выделению им постоянных наделов, и всегда обосновывали свое стремление к переселению на новые участки неудобством, отсутствием леса или воды, что, на поверку, чаще всего оказывалось лишь маскировкой погони за целиной.

Чем дальше русские крестьяне забирались вглубь степей со своим полукочевым земледельческим хозяйством, тем сильнее они подвергались культурному воздействию казахов. Так, отмечено, что русские крестьяне перенимали казахские способы выпаса скота, заготовки местного топлива и строительных материалов, а также строительства землянок и саманных построек. Дети, родившиеся в таких отдаленных хуторах, зачастую не знали ни слова по-русски, и владели только казахским языком.

В начале XX века, когда свободной земли стало мало, и полукочевое земледелие русских переселенцев становилось невозможно, крестьяне начали переходить к более сложным способам хозяйства: к трехполью и пару, к удобрению земли, к огородничеству и бахчеводству. Среди переселенцев бурно развивалось социальное расслоение, характерное для всей русской деревни, когда встречались крепкие хозяйства, нанимавшие работников и запахивающие по 200–300 десятин, и была прослойка бедных хозяйств, с маленькой запашкой по 4–5 десятин, кормившаяся наемным трудом.

В наиболее тяжелом положении оказались те переселенцы, которые обосновались в Южном Казахстане. Они попали в районы с непривычными условиями, которые требовали незнакомых русским крестьянам навыков орошаемого земледелия, и были здесь меньшинством (например, в Сырдарьинской области обосновалось всего 3,1 % переселенцев 40,6 тысяч человек) среди местного казахского населения. Устройство их проходило очень трудно, чаще всего пришедшие крестьяне вынуждены были наниматься на работу. Наиболее распространенным способом заработка было сенокошение: по найму для казахов или для себя. Часто казахи нанимали русских крестьян, чтобы косить сено на продажу ямщикам на тракте в Ташкент.⁷⁵ Также переселенцы нанимались на уборку хлопка, на извоз до Ташкента и даже до Самарканда. Отмечались случаи, когда недавние переселенцы собирали падалицу – озимый хлеб, проросший после уборки из случайно упавших зерен.⁷⁶ Лишь со временем им удавалось наладить свое хозяйство на основе богарного земледелия или бахчеводства. Некоторые русские крестьяне перенимали у казахов простые способы полива затоплением. Но в целом, европейских хозяйств в Южном Казахстане было мало, и даже горячие сторонники колонизации отмечали огромные трудности устройства крестьян-переселенцев в этом крае.

Лучше всего прошло устройство русских крестьян-переселенцев в Восточном Казахстане, по Бухтарме. Это был район, заселенный беглыми русскими крестьянами и старообрядцами еще в середине XVIII века. При строительстве Бухтарминской крепости в 1761 году власти с удивлением обнаружили 17 русских поселков, которые поддерживали активную связь с Джунгарией, а потом и с цинскими чиновниками на пограничной линии. В 1792 году

⁷⁴ Кауфман А. А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб, 1897, с. 189

⁷⁵ Гейер И. По русским селениям Сыр-Дарьинской области (письма с дороги). Т. II Чимкентский уезд. Ташкент, 1893, с. 40

⁷⁶ Гейер И. По русским селениям Сыр-Дарьинской области (письма с дороги). Т. II Чимкентский уезд. Ташкент, 1893, с. 45

беглецы в составе 250 мужчин и 67 женщин получили высочайшее «прощение», были приняты в российское подданство на правах инородцев и обложены податями.⁷⁷

Эти переселенцы крепко укоренились в южных предгорьях Алтая, завели крепкое хозяйство. Именно в этом районе отмечалось наибольшее влияние европейского хозяйства на казахов, и перенимание казахами русских методов хозяйства. «50–60 лет тому назад ни один казак не умел работать в поле, не умел обращаться с косой и серпом...», – указано в результатах экспедиционного обследования бухтарминских старообрядцев в 1927 году. Однако, за счет найма казахов на работу: уборку сена и хлеба, своз, молотьбу, окрестные казахи научились земледельческим работам.⁷⁸

К концу 1920-х годов алтайские казахи составили особую группу, весьма сильно отличную от других казахов по укладу хозяйства. Они жили в других условиях, более полугода проводили на зимовках, рядом с хорошими пастбищами и сенокосными угодьями, удобными местами для пашни.⁷⁹ Алтайские казахи кочевали на расстояние от 5 до 30 верст, некоторые – до 100 верст, отгоняя скота даже в Китай.⁸⁰ Однако, при этом многие семьи имели собственные сенокосные угодья. В начале XX века многие семьи стали строить постоянные оседлые зимовки, сооружать большие навесы и сараи для скота, а беднота, как уже говорилось, нанималась на сельхозработы у старообрядцев.

⁷⁷ Старцев А. В. Русское население Юго-Восточного Казахстана во второй половине XIX века. // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятое научные чтения памяти профессора А. П. Бородавского. Барнаул, «Аз Бука», 2005.

⁷⁸ Бухтарминские старообрядцы. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Серия казахстанская. Вып. 17. Л., 1930, с. 44

⁷⁹ Казаки. Сборник статей антропологического отряда Казакской экспедиции АН СССР. Исследования 1927 года. Сб. III. Л., «Издательство АН СССР», 1930, с. 3

⁸⁰ Коновалов А. В. Казахи Южного Алтая (проблемы формирования этнической группы)ю Алма-Ата, «Наука», 1986, с. 18

Влияние колонизации

Колониальная политика Российской Империи очень сильно влияла на состояние сельского хозяйства Казахстана сразу после Гражданской войны. Ее влияние распространялось преимущественно на представления руководителей КАССР и экономистов относительно перспектив и способов развития сельского хозяйства, но зато через это колониальная политика оказывала косвенное влияние на все без исключения сферы.

В дореволюционной литературе по поводу колонизации шли серьезнейшие споры. Были сторонники радикальных методов, предусматривающих сгон казахов с зимовок и передачи земель русским крестьянам. Были сторонники более умеренных методов, в основном состоящих в сокращении площадей пастбищ и водворения крестьян на эти «пустующие земли». Но в целом, еще до революции сложился колониальный консенсус, содержание которого сводилось к нескольким пунктам.

Во-первых, практически все экономисты и руководители считали кочевое хозяйство отсталым, а оседлое хозяйство – передовым. Самым передовым и прогрессивным считалось хозяйство европейского типа с пашенным земледелием улучшенными сельхозорудиями, со стойловым скотоводством, с заготовкой сена. В качестве уступки руководство соглашалось признать казахское скотоводство, но лишь при условии его оседлости.

В литературе и многочисленных выступлениях, посвященных проблеме оседания казахов, совершенно не приводилось рациональных аргументов в пользу этого утверждения, и оно подкреплялось, в основном, голословными заявлениями. Это можно объяснить лишь давней традицией, идущей через образование и дореволюционную литературу. Один из первых проектов перевода кочевников на оседлость составил еще в XVIII веке П. И. Рычков для башкир. Долгое время русские власти колебались в отношении казахов. Например, Оренбургское ведомство запрещало казахам заниматься земледелием, а Сибирское ведомство, наоборот, поощряло.⁸¹ Но во второй половине XIX века стремление к седентаризации кочевников победило и стало общим местом в литературе.

Во-вторых, магистральной дорогой развития сельского хозяйства Казахстана почти всеми признавалось именно пашенное земледелие. Эта политика получила свое максимальное развитие в 1950-х годах, во время «освоения целины», а в 1920-е годы экономисты выражались другим языком. Часто употребляемым термином в то время была пахотоспособность, то есть площадь земель, качество которых позволяло распашку. Доля вспаханной площади по отношению к общей площади пахотоспособных земель признавалась в качестве критерия развития сельского хозяйства в Казахстане.

В-третьих, существенной стороной консенсуса было стремление к колонизации степей. Политика колонизации, как показывают документы, велась до революции, проводилась накануне и во время коллективизации, как будет показано ниже, и даже впоследствии, во время «освоения целины» в 1950-х годах. Другое дело, что в разные эпохи риторика колонизации имела различную степень выраженности. До революции о необходимости колонизации говорили совершенно открыто: «Всякому тогда было ясно, что для наличных кочевьев вовсе не нужно столько непомерного пространства, как это числилось за киргизами; всякому было понятно, что в «кочевую» земля обратилась только потому, что не осталась «оседлой»...».⁸² В 1920-х годах власти лозунга колонизации открыто не вывешивали, и о меропри-

⁸¹ Быков А. Ю. Проблемы седентаризации в политике России в Казахстане XVIII – начале XIX века. Автореферат. Барнаул, 2001, с. 17

⁸² Воцинин В. Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб. 1914, с. 14

ятиях по колонизации «пахотоспособных земель» можно было узнать только из программ развития сельского хозяйства и хозяйственных планов.

В-четвертых, консенсус не отводил никакого самостоятельного места для казахского хозяйства, в особенности кочевого скотоводства. Не предполагалось его развития. По мнению большинства экономистов, казахское хозяйство должно быть решительно переделано в сторону приближения к «эталонному» европейскому хозяйству. До революции высказывались радикальные предложения поставить казахов перед выбором: перейти к хозяйству европейского типа или вымереть. Однако, победила более умеренная точка зрения, согласно которой русские крестьяне должны подавать пример, которому казахи должны следовать. Экономисты 1920-х годов придерживались последней точки зрения, полагая, что Советская власть, советизация аула и кооперирование крестьян ускорят перенимание «эталонных» методов хозяйствования. Они совершенно не предполагали и не предчувствовали, что будет реализован как раз самый радикальный путь, и казахское кочевое скотоводство будет попросту уничтожено в процессе коллективизации.

Справедливости ради стоит отметить, что этот пункт колониального консенсуса встречал хоть и редкие, но зато весьма активные возражения. В Казахстане были экономисты, которые пытались разработать способ развития именно казахского хозяйства, на основе присущих ему принципов и тенденций.

Происхождение колониального консенсуса и его влияния на разработку планов развития сельского хозяйства, имеет совершенно прозрачную природу. Подавляющая часть экономистов в Казахстане, как русских, так и казахов, была воспитана в традициях русской географической, экономической и аграрной школы, а также опиралась почти всецело на дореволюционную литературу, в которой колониальная идеология излагалась весьма откровенно. Влияние дореволюционных работ на экономические идеи в начале и в середине 1920-х годов было исключительно велико. Собственные исследования появились лишь в конце 1920-х годов, когда процесс коллективизации стал набирать обороты, Филипп Голощекин объявил коллективизацию аула главной целью, и никому не давал сворачивать с этой дороги.

Вместе с явочным признанием колониального консенсуса в оценке перспектив развития сельского хозяйства в Казахстане, в начале 1920-х годов было сделано немало для устранения крайностей колонизации. Это нашло наиболее яркое выражение в перераспределении земель, которое началось еще в 1917 году, но приобрело максимальные масштабы в 1921–1922 годах. Целью перераспределения было наделение малоземельных крестьян землей по трудовой норме, а также возврат изъятых у казахов земель 10-ти верстной полосы, а также конфискованных в 1916 году земель после подавления восстания. 19 апреля 1921 года ЦИК Кирреспублики принял решение о возврате земель десятиверстной полосы вдоль Иртыша, земель по реке Урал, а также конфискованных в 1916 году земель. По Уралу было возвращено 232 тысячи десятин, по Иртышу – 111,8 тысяч десятин, а также возвращено 470 тысяч десятин земли, конфискованной в 1916 году.⁸³ В эти годы было перераспределено более 1 млн. десятин земли.⁸⁴

⁸³ Нейштадт С. А. Социалистическое преобразование экономики Казахской ССР в 1917–1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1957, с. 128

⁸⁴ Дахшлейгер Г. Ф., Нурпеисов К. История крестьянства советского Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, «Наука», 1985, с. 144

Пасти!

Как это не парадоксально прозвучало бы сегодня, но вплоть до 1928 года в Казахстане полностью преобладали сторонники развития именно полукочевого скотоводства в качестве основной отрасли сельского хозяйства республики.

Одним из наиболее активных сторонников этого пути был агроном М. Г. Сириус, имевший большой опыт опытного хозяйства в Тургайской она Темирской опытной станции и исследований земледелия засушливых районов республики. Этот опыт привел его к мысли, что на большей части территории земледелие либо невозможно, либо нерентабельно даже в потребительском виде.

Полукочевое скотоводство, в отличие от земледелия, не требовало больших вложений, расхода рабочей силы, хорошего увлажнения, и нуждалось, по сути, только в естественных кормовых ресурсах и рабочей силе. По подсчетам М. Г. Сириуса, в Казахстане имелось 250 млн. десятин кормовых угодий, с которых можно было собрать 7337,5 млн. пудов грубых кормов, из которых 34 % приходилось на приозерные луга. Кормовые ресурсы Казахстана позволяли содержать 88–90 млн. голов скота, а ресурсы рабочей силы позволяли содержать 56–66 млн. голов. По мнению М. Г. Сириуса, при естественном приросте населения в 2 % в год, через 20 лет будет достаточно рабочей силы для содержания 72 млн. голов скота.⁸⁵

Сторонники этого направления резко критиковали земледельческое направление развития сельского хозяйства за переоценку плодородия почв и перспектив распашки. Это только с первого взгляда казалось, что в Казахстане много свободных земель. На деле же земледельцы сталкивались с колоссальными трудностями. В 1926 году журнал «Народное хозяйство Казакстана» опубликовал статью агронома из Каркаралинского уезда П. Г. Амосова. Статья вышла посмертно, поскольку ее автор умер 10 марта 1926 года.

Он работал на уездном уровне и хорошо знал особенности хозяйства. По его словам, уезд обеспечивал свои потребности в хлебе натуральным обменом на скот или рыбу, причем основная масса хлеба, до 15 тысяч пудов привозилась из Алма-Аты, с Или или Кара-Тау. В уезде был район поливного земледелия по р. Токраун, который в урожайный год давал до 200 тысяч пудов хлеба. П. Г. Амосов отмечал: «За Токрауном установилась прочная репутация житницы уезда».⁸⁶ Однако, урожай поливных земель был невысоким – в среднем 100 пудов с десятины (16 центнеров с гектара), и агроном писал: «... надо видеть своими глазами ту колоссальную затрату человеческого труда, ту уйму лишений и страданий, с которыми сопряжено земледелие на Токрауне, чтобы понять весь мучительный трагизм положения пахаря при плохом урожае».⁸⁷ Но выхода особо не было: «Или сей на Токрауне в условиях полукаторжного труда – или голодай».⁸⁸

Скотоводство в сухих степях было куда более устойчивым и давало продукт ценой куда меньших усилий: «Ни безнадёжного массового разорения, ни обнищания, ни вымирания населения, мы не могли бы констатировать в степи».⁸⁹ Иными словами, агроном делал свой выбор и склонял свои симпатии в пользу скотоводства.

⁸⁵ Сириус М. Г. К вопросу о перспективах скотоводства в Казакстане. // Народное хозяйство Казакстана. 1926, № 1, с. 27–30

⁸⁶ Амосов П. Г. Хозяйственно-экономические нужды и задачи Каркаралинского уезда. // Народное хозяйство Казакстана, 1926, № 3, с. 67

⁸⁷ Амосов П. Г. Хозяйственно-экономические нужды и задачи Каркаралинского уезда. // Народное хозяйство Казакстана, 1926, № 3, с. 67

⁸⁸ Амосов П. Г. Хозяйственно-экономические нужды и задачи Каркаралинского уезда. // Народное хозяйство Казакстана, 1926, № 3, с. 68

⁸⁹ Амосов П. Г. Хозяйственно-экономические нужды и задачи Каркаралинского уезда. // Народное хозяйство Казак-

Однако, наблюдательный агроном подметил одну слабость кочевого скотоводства – несоответствие качества скота требованиям рынка. Кочевник, вынужденный перегонять свой скот с пастбища на пастбище, от водопоя на водопой, больше всего ценил выносливость, а не продуктивность скота. Взгляд торговцев был другой: «Рынок ценит масло, шерсть, кожи, мясо, рабочий скот, но не выносливость».⁹⁰ Это столкновение интересов породило потом трагедию кочевников, поскольку позднее хозяйственное руководство требовало от скотоводства в первую очередь продуктивности, причем товарной продуктивности, и требовало развивать его на основе методов западно-европейского хозяйства: со скотными дворами, с сенокосами, с силосом, зерновой подкормкой и так далее.

П. Г. Амосов был категорически против такого пути, и считал, что главным, основой основ скотоводства в Казахстане должно быть максимальное использование пастбищ. Соответственно, и скот должен быть выносливым, легко переносить перегоны, довольствоваться грубыми кормами, переносить зимовку на пастбищах. Агроном предлагал адаптировать методы скотоводства к условиям степей, в частности, отказаться от скотных дворов, а также снимать продукцию летом, как делали кочевники. Если бы эти требования были приняты, то катастрофа Казахстану не грозила. Очень жаль, что П. Г. Амосов умер так рано. Его смерть сильно ослабила позиции сторонников развития полукочевого скотоводства.

Насколько сильны были тогда позиции сторонников этого пути развития сельского хозяйства Казахстана, можно судить хотя бы по тому факту, что 2 марта 1926 года СНК КАССР признал за Казахстаном значение скотоводческой базы для хозяйства СССР.

В середине 1920-х годов была выдвинута еще одна концепция развития сельского хозяйства Казахстана, опирающаяся на интенсивное развитие скотоводства. Автором этой концепции был Е. А. Полочанский, который предложил цельную и весьма детально продуманную программу, основанную на казахском хозяйственном опыте.

Полочанский решительно выступал против идеи ликвидации пастбищно-скотоводческого хозяйства, поскольку приоритет земледелия привел бы к резкому сокращению стада: «Такой строй народного хозяйства не мог бы прокормить и половины того скота, который в республике ныне имеется...».⁹¹ Главным направлением развития сельского хозяйства Казахстана он считал именно развитие скотоводства, которое, по его выкладкам, обещало превратить Казахстан в лидера по производству продукции животноводства в СССР.

«Запасы имеющейся пастбищной площади могут обеспечить кормом до 75 млн. разного скота, то есть в 3 раза более только того количества, которое имеется сейчас (сейчас 26,5 млн.) и при рационализации пастбищно-скотоводческого хозяйства. Казакстан смог бы целиком покрыть все потребности Союза во всех видах продукции животноводства».⁹²

Он предложил программу реконструкции животноводства на основе сохранения родового аула, переустроенного на началах кооперирования. В кооператив хозяйственно-родового аула должно было войти не менее 5 семей со средним числом скота 10 голов в пересчете на крупнорогатый, то есть аул должен был иметь стадо в 50 голов, в пересчете на крупнорогатый. В стаде должно было быть в среднем 5 коров, 6 волов, бык-производитель, 8 телят, верблюды, 2 лошади и 180 овец.⁹³

Члены кооператива должны были отказаться от ведения отдельного хозяйства, совместно выполнять обработку земли, уборку урожая и содержание скота. Аулу выделялся кредит в размере 600 рублей на семью, который расходовался на строительство, мелиорацию

стана, 1926, № 3, с. 69

⁹⁰ Амосов П. Г. Хозяйственно-экономические нужды и задачи Каркаралинского уезда. // Народное хозяйство Казакстана, 1926, № 3, с. 70

⁹¹ Полочанский Е. А. За новый аул-кстау. М., Издательство Казакского представительства, 1926, с. 9

⁹² Полочанский Е. А. За новый аул-кстау. М., Издательство Казакского представительства, 1926, с. 8

⁹³ Полочанский Е. А. За новый аул-кстау. М., Издательство Казакского представительства, 1926, с. 28

и орошение. Доход делился на две части, одна из которых делилась по едокам, а из второй половины погашался кредит и выделялся доход по трудовому вкладу.⁹⁴ По его подсчетам, хозяйство могло обеспечивать людей продовольствием, скот – кормом, получать в среднем 1144 рублей чистой прибыли, и после погашения кредитов и паев, давало 570 рублей чистого дохода на семью, а всего бюджет семьи составлял бы 700 рублей. По сравнению с доходностью единоличного казахского хозяйства в конце 1920-х годов, этот проект обещал удвоение доходов небогатых хозяйств (327,4 рубля – чистый доход, 499,3 рубля – валовый доход⁹⁵), и выводил его на уровень доходности зажиточных русских крестьян.

В его проекте был даже разработан типовой дом, в котором каждой семье выделялось по комнате размером 54 кв. аршина (27,31 кв. метра). Образцом для аульного жилья по проекту Е. А. Полочанского явно стали казахские однокамерные дома, которые строились на зимовках.

Для зимовок у казахов имелся целый ряд жилищ, которые широко использовались небогатыми скотоводами: шошала, дерновый дом, камышовый дом (широко распространенный в Прибалхашье и по Сырдарье), а также дома из самана, сырцового кирпича и землянки. Это было однокамерное жилище с небольшим очагом, крытое односкатной или двухскатной крышей, очень небольшой площади и объема. Объем зимовочных домов составлял около 24–25 куб. метров, всего по 4–5 куб. метров на человека. Дома были сырыми, плохо проветриваемыми, темными, что приводило к распространению простудных и кожных заболеваний. Низкое качество зимних жилищ было связано с менталитетом скотоводов: «Большинство казахов по традиции считало их временным, второстепенным жилищем и не прилагало особых усилий к его благоустройству и украшению».⁹⁶ По сравнению с этими жилищами, проект Е. А. Полочанского обещал улучшение жилищных условий, поскольку объем жилой комнаты в спроектированном им доме превышал 54 куб. метра.

К дому пристраивались помещения для содержания скота так, чтобы получалось прямоугольное в плане строение площадью 1974 кв. аршина (998,44 кв. метра).

Финансовые возможности КАССР позволяли создать в течение 15 лет 100 тысяч подобных хозяйств, в которых могло бы содержаться 8 млн. овец. Устойчивость хозяйства повышалась с помощью посевов зерновых и заготовки кормов для скота.

В отношении других способов развития сельского хозяйства в Казахстане, Е. А. Полочанский был весьма категоричен: «В противном случае имущество один бедняков, сколько не складывай, все-таки в результате будет общая беднота...».⁹⁷ Он выступал резко против строительства коммун и колхозов из одной бедноты, и считал, что в процесс кооперирования скотоводства должны быть вовлечены и зажиточные слои казахских скотоводов.

Его план, весьма детально проработанный, был отвергнут по чисто политическим причинам. Казкрайком со своей политикой советизации аула, был против любого сотрудничества с баями, и, разумеется, не мог поддержать этот план, предусматривающий вовлечение в кооперативное строительство зажиточных скотоводов. Однако, с чисто технической стороны дела, Е. А. Полочанский выдвинул дельное предложение, которое лучше всего учитывало особенности казахского скотоводства, привычки и образ жизни казахов. У Голощекина и его единомышленников не было и близко ничего подобного.

⁹⁴ Полочанский Е. А. За новый аул-кстау. М., Издательство Казакского представительства», 1926, с. 17

⁹⁵ Состояние сельского хозяйства Казакской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казакской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год). М., 1930, с. 92

⁹⁶ Востров В. В., Захарова И. В. Казахское народное жилище. Алма-Ата, «Наука», 1989, с. 64

⁹⁷ Полочанский Е. А. За новый аул-кстау. М., Издательство Казакского представительства», 1926, с. 21

С позиции сегодняшнего дня очевидно, что это был упущенный шанс модернизации казахского скотоводческого хозяйства без ломания его через колено, без массовой гибели людей и огромного урона для Казахстана.

Пахать!

Назначение Филиппа Голощекина в Казахстан и провозглашение им политики советизации аула, дало сильный стимул разработкам среди партийных и советских работников, среди экономистов-коммунистов, планов весьма и весьма решительного переустройства сельского хозяйства в республике. В 1927–1928 годах появилось несколько крупных разработок, отчасти основанных на материалах экспедиционного обследования, отчасти на доктринальных предпосылках, посвященных переустройству сельского хозяйства в Казахстане.

В этой литературе, как правило, не затрагивались специально вопросы общей теории развития сельского хозяйства и особенно скотоводства, но по предложениям, в ней высказанным, о них можно судить вполне определенно. По краткому изложению спора между сторонниками скотоводства и земледелия, приведенному М. Г. Сириусом в одной из его статей, можно судить о том, как развивалась эта дискуссия.

Общее согласие экономистов по поводу скотоводства было взломано в 1927 году, по инициативе Всесоюзного переселенческого комитета, который предложил увеличить посевы в Казахстане до 30 млн. гектаров, и наделять землей по 30–40 гектаров на хозяйство. О предложении комитета можно судить по более поздним его публикациям. В 1930 году вышел доклад Всесоюзного переселенческого комитета «Состояние сельского хозяйства Казакской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения», основанный на экспедиции 1928 года, в котором говорилось то же самое. Только теперь это было мнение не одного из казахских экономистов, а часть государственной политики: «Основная поставленная правительством задача – определение возможности и путей использования обследуемой территории в целях укрепления зернового баланса Союза».⁹⁸

Был сделан еще более масштабный вывод, что товарное земледельческое хозяйство было возможно на площади 75 млн. гектар. Площадь Казакской АССР составляла 2853 тысячи кв. км. Следовательно, пашни должны были занять 26,2 % территории республики. Экспедиция обследовала Северный Казахстан (под чем понималась вся северная часть Казахстана от Урала до Иртыша), в котором пахотоспособность была определена в размере 50 % от площади, около 25 млн. гектар.⁹⁹

Экспедицией была сделана также оценка и условий, весьма и весьма категоричная: «Таким образом, ознакомление с внехозяйственными экономическими условиями на обследуемой территории показало, что, несмотря на значительные различия этих условий, ни в одной из районов к занятию товарным земледелием препятствием служить не могут».¹⁰⁰ Далее было расшифровано, что под товарным земледелием подразумевается выращивание пшеницы, в сочетании с интенсивным скотоводством.

Во всех планах развития сельского хозяйства, составленных как на союзном, так и на республиканском уровнях, указывалось, что Казахстан, наряду с Сибирью, станут в первой пятилетке районами развития зернового хозяйства, основанного на распашке степей, оседания кочевников и «высвобождения земли», а также переселения в Казахстан из других районов СССР.

Определение интенсивного скотоводства в свете нашей темы, данное в материалах этой экспедиции, представляет особенный интерес: «По всем округам произошло сокраще-

⁹⁸ Состояние сельского хозяйства Казакской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казакской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год). М., 1930, с. 12

⁹⁹ Состояние сельского хозяйства Казакской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казакской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год). М., 1930, с. 30–31

¹⁰⁰ Состояние сельского хозяйства Казакской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казакской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год). М., 1930, с. 32

ние количества лошадей и отчасти овец и дальнейшее увеличение количества крупнорогатого скота. Скотоводство по составу стада принимает более интенсивный характер... В нем (имеется в виду байское хозяйство – Д. В.) особенно было развито коневодство и большой удельный вес имело овцеводство – две наиболее экстенсивные отрасли скотоводства». ¹⁰¹ Наверное, трудно найти более откровенное определение того, как именно собирались переустроить скотоводство в Казахстане. Из этого определения видно, что была проведена четкая черта: разведение крупного рогатого скота – это интенсивное скотоводство, а разведение лошадей и овец – это экстенсивное скотоводство. И был также сделан однозначный выбор в пользу первого. В общем, при ставке на зерновое хозяйство, при резком сокращении площади пастбищ, ставка на крупный рогатый скот была неизбежным явлением.

Наконец, поскольку экспедиция была проведена Всесоюзным переселенческим комитетом, то были разработаны планы переселения в Казахстан. В первой пятилетке планировалось переселить 500 тысяч человек, или 90,9 тысяч хозяйств. ¹⁰² В первый год пятилетки – 14,5 тысяч хозяйств, во второй – 18,2 тысяч, в третий – 25,4 тысячи, в четвертый – 32,8 тысяч хозяйств. Всего возможное переселение было определено в размере 1,3 млн. человек, или около 300 тысяч хозяйств.

Как видим, это был типичный план аграрной колонизации, предусматривающий фактическую ликвидацию кочевого скотоводства, распашку всех сколько-нибудь пригодных земель, с решительным упором на зерно, переселение полумиллиона человек только в течение первой пятилетки с продолжением в последующих пятилетках. Отличий от дореволюционных планов аграрной колонизации Казахстана, в сущности не так и много. Еще в 1927 году на это обстоятельство обратил внимание Смагул Садвакасов, заявивший в своем выступлении на VI конференции Казкрайкома 15–23 ноября 1927 года: «Хочу обратить ваше внимание на следующий факт: наша республика продолжает рассматриваться как регион, поставляющий сырье. Это пережиток прошлого, колониальная политика царизма». ¹⁰³

Нужно также отметить, что агроном А. М. Маркевич, который участвовал в создании первой в СССР машинно-тракторной станции – Шевченковской МТС в УССР, выдвинул любопытную позицию. С одной стороны, он прямо не высказывался против планов переселения в новые районы, но с другой – выдвинул на основе своего практического опыта тезис, который выбивал почву из-под планов переселения, основанных так или иначе на теории «аграрного переселения». Он считал, что механизация и рациональная организация сельского хозяйства в «перенаселенных» районах может дать вдвое-втрое больше продукции с тех же площадей, и свободно прокормить «избыточное» население». ¹⁰⁴

Следующий этап дискуссии был связан с докладом профессора А. Н. Челинцева в Земплане РСФСР по докладу Наркомзема КАССР, сделанным летом 1927 года. Челинцев исходил из тезиса, что кочевое скотоводство является отсталым и слабым, что перспективы развития скотоводства связаны с разведением крупнорогатого скота по западно-европейской системе на основе земледелия. Он приводил данные, что за сто лет, с 1820 по 1916 годы, в Тургайской области доля крупнорогатого скота выросла с 0,7 до 22,8 %, и связал это с прогрессивным развитием хозяйства. Его вердикт был такой: «Таким образом, вскрывается параллелизм между расширением земледелия, его ростом и развитием скотоводства, как количественного, так и качественного, в сторону нарастания его интенсивности и ослабления типично экстенсивных отраслей кочевого хозяйства... В связи со всем сказанным,

¹⁰¹ Состояние сельского хозяйства Казахской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казахской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год). М., 1930, с. 111

¹⁰² Состояние сельского хозяйства Казахской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казахской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год). М., 1930, с. 146

¹⁰³ Садвакасов С. Избранное. Алматы, СП «Атхан», «Раушан», 1994, с. 67

¹⁰⁴ Маркевич А. М. Межселенные машинно-тракторные станции. М., 1929, с. 227

было бы неправильно будущее сельского хозяйства в Казахстане представлять лишь в рамках кочевничества».¹⁰⁵

У этой концепции быстро проявились сторонники среди руководящих работников в Казахстане, в частности М. Я. Роднер и А. П. Потоцкий, которые сразу стали продвигать этот взгляд. Уже в мае 1927 года А. П. Потоцкий опубликовал статью, в которой выдвинул почти все тезисы А. Н. Челинцева: Казахстан на большей территории представляет собой территорию малой емкости для сельскохозяйственного производства и плотности населения (у Челинцева – несоответствие площади и плотности населения); казахское хозяйство становится менее кочевым и более земледельческим, казахи засевают 27,8 % богарных посевов в Казахстане (у Челинцева – рост доли крупнорогатого скота и общий рост посевов, в том числе и у казахов); рост посевов зависит от плотности населения (у Челинцева – нельзя препятствовать переселению и обосновывать отказ от современной колонизации ссылками на царскую политику); необходимость капиталовложений на улучшение почв и орошение в Центральном Казахстане (у Челинцева – приоритетная поддержка оседлых районов для скорейшего перехода к земледелию).¹⁰⁶

Перелом в дискуссии произошел в начале 1928 года, после VI-й Всеказахской конференции ВКП(б), на которой впервые, под давлением представителей ЦК ВКП(б), гласно осудили националистический уклон, который связывался с защитой интересов казахских скотоводческих хозяйств. В этих условиях симпатии стали склоняться в сторону земледельческого хозяйства чем сразу воспользовались его сторонники. А. П. Потоцкий в марте 1928 года заявил, что зерновое хозяйство может чувствовать себя имеником, поскольку теперь к нему обратилось внимание, а «до этого момента в отношении зернового хозяйства господствовала другая тактика, целью которой было всемерное вытеснение и изживание преобладания зернового хозяйства».¹⁰⁷ Он подчеркнул, что в Северном Казахстане лидерство принадлежит зерновому земледелию, а не скотоводству и призвал более активно снабжать машинами хозяйства этого района.

Впрочем, М. Г. Сириус недолго оставался в долгу, и уже в июле 1928 года выступил с большой статьей, в которой давал оценку возможностей распашки по принципу пригодности под посев. Он в 1922–1924 году вместе с Метеобюро КАССР проводил оценку количества осадков и составил одну из первых карт распределения осадков по территории республики. Он считал, что при количестве осадков более 300 мм в год возможно зерновое товарное земледелие. При количестве осадков 250–300 мм – потребительское земледелие, а при количестве осадков менее 250 мм – без орошения земледелие невозможно.¹⁰⁸ На основе карт распределения осадков, агроном составил оценку площади земель, пригодных под посев. В зоне с осадками более 300 мм таких земель оказалось 4796 тысяч гектаров, а в зоне с осадками 250–300 мм – 3025 тысяч гектаров, и не сплошным массивом, а отдельными пятнами. Всего – 7822 тысячи гектаров из 79 млн. гектаров общей площади этих двух зон, то есть 9,8 %. При этом он отметил, что по более точным оценкам, сделанным В. И. Лебедевым в 1925–1926 годах, общая площадь этих двух зон сократилась до 57,5 млн. гектаров и, соответственно,

¹⁰⁵ Челинцев А. Н. Перспективное развитие сельского хозяйства Казакстана. // Народное хозяйство Казакстана. 1928, № 4–5, с. 23–24

¹⁰⁶ Потоцкий А. П. Народное хозяйство Казакстана и основные тенденции его развития. // Народное хозяйство Казакстана. 1927, № 5, с. 7–26; Челинцев А. Н. Перспективное развитие сельского хозяйства Казакстана. // Народное хозяйство Казакстана. 1928, № 4–5, с. 3–26

¹⁰⁷ Потоцкий А. П. К вопросу о задачах и возможностях зернового хозяйства в Казакстане. // Народное хозяйство Казакстана. 1928, № 2–3, с. 25

¹⁰⁸ Сириус М. Г. К вопросу о более рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казакстане. // Народное хозяйство Казакстана. 1928, № 6–7, с. 27

сокращаются площади под посев.¹⁰⁹ По его мнению, более детальные метеорологические исследования приведут только к дальнейшему сокращению пригодных под посев площадей.

Его заключение было таково: «... здесь рассчитывать на расширение зернового хозяйства более чем до 7–8 млн. гектаров, не только нет оснований, но совершенно невозможно».¹¹⁰ М. Г. Сириус считал, что нужно тщательно изучать каждый клочок земли, чтобы добиться по-настоящему урожайного и рентабельного зернового хозяйства в Казахстане.

В том же 1928 году в дискуссию вступили и партийные теоретики, которые попытались подойти к проблеме с марксистских позиций и расстановки классовых сил в ауле. Одним из главных экономистов, которые занимались марксистским «анализом» казахского аула, был Г. Тогжанов, оставивший несколько публикаций, в том числе выпущенную в 1928 году книгу «О казакском ауле», в которых оказались зафиксированы взгляды партийных экономистов того времени. Как же им виделся казахский аул?

В первую очередь, казахский аул виделся им как средоточение отсталости, которую они объясняли его «социальной природой», сочетавшей в себе элементы патриархально-родовых, феодальных и капиталистических отношений. Главной фигурой аула они считали бая, который был одновременно выразителем родовых отношений, феодалом и капиталистом. С точки зрения марксизма, это – нонсенс, поскольку родовой, феодальный и капиталистический строй имели совершенно разную социальную структуру, а, самое главное, отличались совершенно разными способами эксплуатации и присвоения прибавочного продукта. Так, феодальный строй стоял на собственности феодалов на землю и внеэкономическом принуждении, а капиталистический – на собственности капиталистов на средства производства и эксплуатации наемной рабочей силы. Собственность на землю у казахов была развита очень слабо, ей было далеко до оформившегося института, да и развиваться она стала только в конце XIX века, в связи с наплывом русских крестьян, создавших рынок аренды земли. Внеэкономического принуждения в виде барщин и оброка, у казахов в это время не было. Наконец, не было совершенно такого характерного для феодализма института условного владения землей. Что касается капитализма, то у казахов не было расслоения на собственников средств производства и пролетариат, найм рабочей силы был развит слабо, и, опять-таки, в связи с русскими крестьянами. Всевозможные виды и способы эксплуатации бедных сородичей в хозяйстве носили куда больше характер взаимопомощи, чем капиталистической эксплуатации. Наконец, извлечение прибыли и накопление капитала не было главной целью богачей в казахском ауле.

К слову сказать, в 1970-х годах среди советских политэкономов развернулась большая дискуссия по поводу того, что считать средством производства в кочевом скотоводстве: землю или скот. Им так и не удалось прийти к единому мнению.

Казахский аул с очевидностью не влезал в рамки марксизма, созданного на основе политэкономии европейских стран, однако казахских политэкономов 1920-х годов это нисколько не смущало. Противоречия в теоретической характеристике аула они «решили», создав политэкономический «қойыртпақ» из смеси родового, феодального и капиталистического строя, и считали это своим достижением: «Казакское байское хозяйство – хозяйство переходного типа, соединявшее в себе черты и капиталистической, и феодальной системы эксплуатации... Поскольку большинство казакских районов в дореволюционное время оставалось кочевыми районами, поскольку они же являлись характерными для Казакстана, как

¹⁰⁹ Сириус М. Г. К вопросу о более рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казакстане. // Народное хозяйство Казакстана. 1928, № 6–7, с. 21–23, 27

¹¹⁰ Сириус М. Г. К вопросу о более рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казакстане. // Народное хозяйство Казакстана. 1928, № 6–7, с. 36

колонии, поэтому и преобладающей формой в степи оставалась докапиталистическая форма эксплуатации».¹¹¹

Этот «койыртпак» основывался на том, что признаки всех перечисленных общественных формаций были объявлены пережитками: «Одним из характерных особенностей дореволюционного казакского аула является наличие в нем пережитков патриархально-родовых отношений».¹¹² А также: «... существующая система полукочевого скотоводческого хозяйства, является по существу, пережитком феодализма, выгодным прежде всего для зажиточной части населения...».¹¹³ Это партийным экономистам казалось приемлемым способом разрешения очевидных противоречий в их теоретических построениях, хотя с точки зрения марксистской формационной теории это был нонсенс.

Второй важный пункт в их оценке казахского хозяйства состоял в утверждении, что оно является товарным, мало отличным от хозяйства европейского типа. В этом отношении Г. Тогжанов высказался весьма категорично: «Не будет преувеличением, если даже сказать, что оно уже превращается в товарное хозяйство, и что казахское хозяйство в оседлых и в значительной части полукочевых районах по своей структуре и направленности мало отличается или почти не отличается от русского крестьянского хозяйства».¹¹⁴ Не один он высказывался в подобном духе: «Аул пережил уже период натурального хозяйства, в аул внедряются товарно-капиталистические отношения. Эти отношения, вовлекая в орбиту своего влияния казахское население, постепенно разрушают общину, как нечто хозяйственное целое. Община как хозяйственная единица распалась...».¹¹⁵

Экономисты грубо ошибались в оценке товарности казахского хозяйства, которая по одним данным составляла не более 7–10 % от валовой продукции.¹¹⁶ По другим данным, суммарная товарность казахского хозяйства составляла около 40 %. По весьма подробным данным, собранным в начале 1920-х годов в Актюбинской губернии, выходило, что казахские хозяйства потребляли 57–62 % произведенной продукции, а продавали 38–43 % продукции. Причем, по разным категориям продукции, производимой в казахском хозяйстве, процент товарности сильнее всего колебался. Так, товарность по хлебу составляла 5–6 % (соответственно, потреблялось внутри хозяйства 95 % произведенного хлеба), а по кормам – 3–5 %.¹¹⁷ Доля товарности складывалась, в основном, за счет продажи скота, мяса, кож и шерсти, в чем основной вклад в общую товарность казахских хозяйств в губернии делали зажиточные и богатые хозяйства.

По собранным в Актюбинской губернии данным выходит, что товарность казахского хозяйства обеспечивалась продажей непродовольственного сырья, тогда как производство продовольствия было ориентировано на собственное потребление. Так, доля собственного скота в потреблении мяса в хозяйствах, кочующих в полупустынных районах и имеющих свыше 25 голов скота, стабильно держалась на уровне 97–99 %. Иными словами, казахский аул вел в первую очередь потребительское хозяйство, и мог отпускать не более 2–3 % производства мяса, 5–6 % хлеба и 3–5 % кормов. К сожалению, столь же подробных данных по другим губерниям Казахской АССР не было опубликовано, но, очевидно, и там была схожая картина.

¹¹¹ Тогжанов Г. Казакский колониальный аул. Ч. 1. М., 1934, с. 104

¹¹² Тогжанов Г. Казакский колониальный аул. Ч. 1. М., 1934, с. 5

¹¹³ Состояние сельского хозяйства Казахской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казахской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год). М., 1930, с. 5

¹¹⁴ Тогжанов Г. О казакском ауле. Кзыл-Орда, 1928, с. 5

¹¹⁵ Роднин М. Казахстан на пути к социалистическому строительству. Кзыл-Орда, 1928, с. 16

¹¹⁶ Нейштадт С. А. Социалистическое преобразование экономики Казахской ССР в 1917–1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1957, с. 225

¹¹⁷ Материалы к определению товарности киргизских хозяйств Актюбинской губернии. Актюбинск, 1925, с. 45

В оценке товарности, как показывают приведенные материалы по Актюбинской губернии, всегда надо было учитывать огромную разницу в товарном выходе продовольственных и непродовольственных продуктов. С точки зрения производства непродовольственного сырья можно было рассматривать часть казахских хозяйств как товарные. Но дело все состояло в том, что хозяйственная политика накануне и во время коллективизации всегда подразумевала в первую и главную очередь товарность именно продовольственного производства, в особенности по хлебу и мясу. Но именно в этом казахское хозяйство товарным не было.

Брошюра Г. Тогжанова «О казакском ауле» была выпущена в Кзыл-Орде в 1928 году, и оказала сильное влияние на формирование политики коллективизации. В ней обосновывался важный для этой политики тезис о товарности казахского хозяйства, такой степени, что это хозяйство якобы «подчинил себе торгово-ростовщический капитал». Раз так, то по мысли партийных экономистов казахский аул созрел для «малого Октября» и коллективизации.

Стоит отметить несколько любопытных обстоятельств. Во-первых, сам Тогжанов в публикациях разного времени демонстрировал колебания в своей оценке казахского аула: в более ранней – как преимущественно капиталистического, подчиненного «торгово-ростовщическому капиталу», в более поздней – как переходного, со смешанными чертами от разных общественных формаций. Похоже, что ни он, ни другие партийные экономисты так и не пришли к определенному мнению. Впрочем, особой нужды для них в этом не было, поскольку даже такая шаткая теория вполне себе послужила основанием для расправы с баями.

Во-вторых, Г. Тогжанов честно признавал, что данных у него нет, и свои построения ему подкрепить нечем: «К сожалению, у нас нет под рукой материалов, характеризующих возникновение и появление торгово-ростовщического капитала в казакском ауле...».¹¹⁸ Далее: «К сожалению, у нас нет цифровых данных, доказывающих факт замены старого способа производства новым в казакском хозяйстве, в особенности в полукучевых районах».¹¹⁹ Далее: «Дореволюционная литература о казаках дает очень мало сведений о сущности родовых отношений и влиянии их на развитие казакского аула».¹²⁰ На фоне таких необычайно честных заявлений для второй половины 1920-х годов, становится очевидно, что кроме голословных заявлений у Тогжанова ничего нет, и доказать свои построения он был не в состоянии.

Впрочем, это нисколько не мешало ему считать себя абсолютно правым, и время от времени отпускать в адрес оппонентов замечания, что они, мол, работают «не по-марксистски», а брошюру Е. А. Полочанского Тогжанов и вовсе назвал «теоретически безграмотной и политически вредной». Это приоткрывает немного атмосферу, царившую среди партийного руководства, составленную из гремучей смеси доктринальности, голословных заявлений, полного отсутствия доказательств и нетерпимости к другим мнениям. Тогжанов еще неплохо выглядит на фоне Филиппа Голощекина и Ураза Исаева, которые говорили почти то же самое, только не утруждали себя оговорками об отсутствии у них «под рукой» цифровых данных.

Колониальный консенсус и состряпанный ими политэкономический «койыртпак» подвели партийное руководство Казахстана к мысли, что казахский аул созрел для социалистических преобразований, раз там уже проявились капиталистические тенденции на основе товарного хозяйства, а на дороге у этих преобразований стоит бай, воплощающий в себе всю

¹¹⁸ Тогжанов Г. О казакском ауле. Кзыл-Орда, 1928, с. 7

¹¹⁹ Тогжанов Г. О казакском ауле. Кзыл-Орда, 1928, с. 9

¹²⁰ Тогжанов Г. Казакский колониальный аул. Ч. 1. М., 1934, с. 5

отсталость казахского аула и многочисленные пережитки всех общественных формаций от первобытно-общинного строя до капитализма.

Постепенно в дискуссии одерживали верх сторонники не просто приоритета зернового земледелия, а его форсированного развития, которые в основном, происходили не из числа агрономов или работников Наркомзема КАССР, а из числа партийного руководства. Решающий вклад в укрепление их позиций внесло решение, принятое ЦК ВКП(б) в августе 1928 года, о форсированном развитии зернового хозяйства и строительству 125 крупных зерновых совхозов, причем половина из них должна была разместиться именно в Казахстане. Итог дискуссии был предрешен, таким образом, решениями Политбюро ЦК ВКП(б). Казкрайком опирался на авторитет этих решений и перешел в наступление на спорщиков.

Первым шагом было то, что к VII Съезду Советов КССР в 1929 году К. Д. Токтабаев подготовил доклад «Проблема зернового хозяйства в Казакстане». Доклад основывался на трех тезисах. Во-первых, в Казахстане много «свободной» земли. В 1927 году в Северном Казахстане распахивалось 2,8 млн. гектар, тогда как «пахотоспособная площадь» составляла 23 млн. гектар.¹²¹ Использовалось 12–13 % от возможного, подчеркивал докладчик. Во-вторых, казахские полукочевые хозяйства должны переходить на оседлость. В-третьих, землеустройство казахских хозяйств должно вестись таким образом, чтобы «... обеспечивать хозяйства достаточным количеством земли для ведения крепкого земледельческо-скотоводческого хозяйства, но не должны давать большего количества земли, так как это побудило бы хозяйства разивать экстенсивное скотоводство в ущерб земледелию».¹²²

Как видим, программа вынуждения кочевников-скотоводов к отказу от скотоводства и принуждения к земледелию путем определенного образа землеустройства, была сформулирована весьма и весьма откровенно.

Токтабаев поставил цель к 1932 году увеличить запашку до 5,97 млн. гектар, и создания крупнейших зерновых совхозов. К 1930 году должно было быть создано 7 крупных зерносовхозов с площадью пашен 124,8 тысяч гектар, а к 1933 году – 40 совхозов с площадью пашен 3,1 млн. гектар.¹²³ То есть, по его плану, около половины всей запашки в Северном Казахстане отводилось бы под зерносовхозы.

Но это оказалось только присказкой. В августе 1930 года произошел конец всей дискуссии. В журнале «Народное хозяйство Казакстана» вышла статья Б. Семевского «К критике буржуазных теорий экономического развития Казакстана»,¹²⁴ в которой всем спорщикам раздали «по серже». Казкрайком подошел к «подведению итогов» спора радикально, и все его участники были обвинены в различных уклонах. Так, Швецов, Сириус и Кремнецкий (сторонники развития скотоводства) были объявлены идеологами «великорусской державной колонизаторской политики» и «буржуазными идеологами». Потоцкий, Дониц, Давид и Шулков (сторонники развития земледелия) были объявлены «неонародниками» и «мелкобуржуазными идеологами».¹²⁵ Партийные критики выступали с позиций необходимости коренной и скорейшей социалистической реконструкции сельского хозяйства, и потому не делали особой разницы между спорщиками: «Все приведенные выше авторы совершают одну и ту же ошибку: они целиком стоят на позиции укрепления и улучшения существующих хозяйственных форм, и не только недооценивают необходимости социалистической рекон-

¹²¹ Токтабаев К. Д. Проблема зернового хозяйства в Казакстане. Кзыл-Орда, 1929, с. 8

¹²² Токтабаев К. Д. Проблема зернового хозяйства в Казакстане. Кзыл-Орда, 1929, с. 17

¹²³ Токтабаев К. Д. Проблема зернового хозяйства в Казакстане. Кзыл-Орда, 1929, с. 22

¹²⁴ Семевский Б. К критике буржуазных теорий экономического развития Казакстана. // Народное хозяйство Казакстана, 1930, № 7–8

¹²⁵ Семевский Б. К критике буржуазных теорий экономического развития Казакстана. // Народное хозяйство Казакстана, 1930, № 7–8, с. 25

струкции хозяйства, но просто ее игнорируют».¹²⁶ Они, в условиях массовой коллективизации и создания гигантских совхозов, считали себя полностью правыми. Итог их кипучей деятельности будет подведен позже, и некоторым из них достанется не критика в печати, а пуля в затылок.

Но пока градус критики «буржуазных теорий» только повышался. Уже в октябре 1930 года Шулково обвинили в извращении взглядов Ленина, что было по тем временам очень тяжелым политическим обвинением, а Доница и вовсе обвинили в кондратьевщине и уклоне в контрреволюцию. Таким образом, общий итог дискуссии в экономической печати в Казахстане во второй половине 1920-х годов по поводу путей развития сельского хозяйства оказался нулевым. Определение направления развития сельского хозяйства республики было определено директивным распоряжением Политбюро ЦК ВКП(б), и реализовался такой вариант, о котором не могли даже помыслить представители обеих сторон.

¹²⁶ Семевский Б. К критике буржуазных теорий экономического развития Казакстана. // Народное хозяйство Казакстана, 1930, № 7–8, с. 31

Кто был прав?

В наши дни, когда уже известны последствия принятых тогда решений, когда накоплен гораздо больший объем информации, и в частности, проведены детальные историко-этнографические и политэкономические исследования казахского кочевого хозяйства, вполне можно определить, кто был прав, и сказать, почему.

Разумеется, что план, реализованный Казкрайкомом, был ошибочным, поскольку не может быть правильным план, реализация которого вызвала гибель сотен тысяч человек. Но мы сейчас обратимся к рассмотрению предложенных вариантов развития сельского хозяйства Казахстана с точки зрения наличных географических и хозяйственных условий. Рассмотрим их так, как если бы мы сами принимали решение.

Итак, план ликвидации кочевого скотоводства в пользу масштабной распашки степи для создания зернового хозяйства и развития «интенсивного скотоводства», основанного на разведении крупного рогатого скота.

С одной стороны, это план обещает огромное количество зерна от урожая на распаханной целине. При средней урожайности 6,4 ц/га распашка 25 млн. гектар даст среднегодовой урожай в размере 16 млн. тонн, распашка 75 млн. гектар – 48 млн. тонн зерна. 14 млн. гектар по исходному плану первой пятилетки обещали среднегодовой урожай в размере 8,6 млн. тонн зерна.

Однако, при создании такого крупного хозяйства требуется провести некоторые первоначальные расчеты. Дело в том, что земледелие требует регулярного внесения удобрений, органических и минеральных, для восстановления плодородия почвы. В противном случае, через 4–5 лет пашня перестанет давать хороший урожай. В 1990 году в Казахстане в среднем на гектар пашни вносилось 1,5 тонны органических и 20 кг минеральных удобрений. Если мы примем эти нормы, то для распашки по плану первой пятилетки требовалось 280 тысяч тонн минеральных и 21 млн. тонн органических удобрений. Было ли столько в распоряжении КАССР перед распахкой столько удобрений? Очевидно, что не было. В 1928 году минеральных удобрений в СССР производилось 117,6 тысяч тонн. Справедливости ради отметим, что по первому пятилетнему плану предполагалось строительство двух химических комбинатов: Актюбинского и Иртышского, суммарной мощностью 125 тысяч тонн суперфосфата в год.¹²⁷ Это бы существенно поправило бы положение с удобрением полей, если бы эти планы были реализованы. Но и в этом случае зерновое хозяйство испытывало бы дефицит минеральных удобрений.

Иными словами, массовая распашка была обречена на то, что поля не будут получать достаточное количество удобрений, и изначально можно было снять только 3–4 хороших урожая с целины, а потом последовало бы резкое падение урожайности. При реализации этого плана уже в 1934 году начался бы кризис зернового хозяйства.

Второй вопрос – трактора. От количества тракторов зависела сама возможность обработки такой гигантской площади. В СССР в первую пятилетку тракторам уделялось огромное внимание, строились мощные тракторные заводы, создавалась система МТС. Однако возможности снабжения тракторами сельского хозяйства в то время были крайне ограниченными. Коллективизация в масштабах всего СССР оказалась практически сорванной из-за невозможности быстрого насыщения техникой вновь созданных МТС и обеспечить колхозы машинной обработкой земли. Краснопутиловский завод провалил заказ на 1929/30 год, согласно которому должен был выпустить 12 тысяч тракторов, Сталинградский тракторный

¹²⁷ Пятилетний план развития народного хозяйства и культурно-социального строительства Казахской АССР (1928/29–1932/33 годы). Алма-Ата, «Издательство Госплана Казахской АССР», 1930, с. 44

завод стал ритмично работать только с 1932 года.¹²⁸ Направить в колхозы большую тракторную колонну явно не вышло, возможности оказались намного скромнее планов. К слову сказать, это положение открыто признавалось в планах колхозного строительства: «На ближайшее пятилетие трактор будет машиной дефицитной».¹²⁹ Так оно и вышло, в посевную кампанию 1931 года по всему СССР тракторами было обработано всего 12 % колхозных посевов.

В начале 1930-х годов, по словам Ураза Исаева, в Казахстане, в МТС насчитывалось тракторов суммарной мощностью 88,5 тысяч лошадиных сил.¹³⁰ Это примерно соответствует 2210 тракторам типа «Интернационал» мощностью 40 л.с. Их число постоянно росло за счет получения все новых и новых тракторов. Однако это была капля в море даже по сравнению с пахотной площадью 1928 года – 2126 гектар на один трактор. Более 21 кв. км площади! Если сравнивать с планами на 1933 год, то на один трактор приходилось от 5746 до 6334 гектаров. Даже в 1940 году, когда Казахстан имел 15480 тракторов, все равно 14 млн. гектар обрабатывать было бы затруднительно, поскольку на трактор приходилось по 904 гектара. В то время в Казахстане нормальным считался план обработки 108 гектаров на трактор.¹³¹ В передовых МТС трактор в среднем обрабатывал 220 гектар в год, со всеми операциями.¹³² В небольших хозяйствах средняя обработка трактором была еще меньше – 110–130 гектар в год. Если бы вся машинная тяга была бы в Казахстане организована в МТС, то для выполнения плана потребовалось бы 63,5 тысяч тракторов.

Чисто теоретически, наличными в Казахстане лошадьми (3,3 млн. голов в 1927 году) можно было бы обработать около 25–26 млн. гектаров. Но это потребовали бы колоссального количества кормов, полного обеспечения всего этого поголовья сельхозорудиями, и образцовой организации работы. Со всем этим в Казахстане был большой дефицит. Всеми пахотными орудиями обеспечивалось только 13 % поголовья лошадей, и резкий прирост количества орудий был невозможным. Кроме того, рабочий скот требовал отдыха и лошадьми нельзя было пахать более 8–9 часов в день. Потому-то и делалась ставка на трактор, поскольку трактор обрабатывал площадь в 10–15 раз больше лошади и мог работать почти круглосуточно.

Поэтому недостаток тракторов при огромных площадях вынуждал использовать лошадей и волов, а это приводило к такому явлению, как затягивание сева, и к резкому снижению урожайности и потере значительной части урожая. Так, в 1933 году в Казахстане только 18,4 % посевов были засеяны в оптимальные сроки, а 55,7 % – в поздние. Из-за этого было потеряно 20 % урожая.¹³³

Одним словом, при всем прогрессе механизации сельского хозяйства, Казахстан просто не имел столько тракторов, чтобы такую площадь вспахать и удовлетворительно обрабатывать, по всем правилам агротехники. А это не только пахота, а еще боронование, посев, прополка. Не будем забывать также об исключительно важном в Казахстане деле, как снегозадержание на полях. Распашка 14 млн. гектар в 1933 году была маниловщиной, полностью оторванной от реальности.

¹²⁸ Верхотуров Д. Н. Сталин против Великой Депрессии. Антикризисная политика СССР. М., «Яуза», 2009, с. 290–291

¹²⁹ Задачи и перспективы колхозного строительства. Проект пятилетнего плана на 1928/29–1932/33 годы. М., 1929, с. 51

¹³⁰ Исаев У. Об итогах 1931 года и контрольных цифрах народно-хозяйственного плана на 1932 год. Алма-Ата – М., 1932, с. 9

¹³¹ Исаев У. Д. Казахстан на подъеме. Отчет правительства Казахстана IX Всеказацкому съезду Советов. Алма-Ата, 1935, с. 28

¹³² Маркевич А. М. Межселенные машинно-тракторные станции. М., 1929, с. 91

¹³³ Абылхожин Ж. Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930-е годы). Алма-Ата, «Гылым», 1991, с. 209

Трактора также требуют топлива и расходуют его изрядное количество. В материалах по Шевченковской МТС содержатся подробные данные по расходу горючего на сельхозработы. Одна МТС на обработку 50 тысяч гектар расходовала 1505 тонн керосина, 120 тонн масла и 60 тонн бензина в год.¹³⁴ Следовательно, на обработку 14 млн. гектар потребовалось бы 421,4 тысячи тонн керосина, 33,6 тысяч тонн масла и 16,8 тысяч тонн бензина. Это расход топлива для трактора «Интернационал», который признавался весьма экономичным в работе. Трактор «Фордзон» расходовал в 1,5 раза больше топлива, и если обработка велась бы такими тракторами, то потребовалось бы 632,1 тысяч тонн керосина, 50,4 тысяч тонн масла и 25,2 тысячи тонн бензина.

Для СССР перед первыми пятилетками дать такое количество керосина для тракторов было совершенно неподъемной задачей. В 1928 году выпуск керосина для тракторов составил 237,7 тысяч тонн, в 1932 году – 1662,8 тысяч тонн.

Если суммировать все сказанное, то можно сказать, что план распахки 12,7–14 млн. гектаров был планом совершенно нереальным, неосуществимым, полностью оторванным от реальности. Это была чистопородная маниловщина. Для него не было достаточного количества тракторов, керосина и удобрений. Это и показала реальная практика. В 1932 году было распахано 5,3 млн. гектар, против 4,2 млн. в 1928 году. Даже если бы не было голода, сохранился тягловый скот и была проведена предварительная работа, то вряд ли Казахстан мог бы распахать более 6–6,5 млн. гектар к 1933 году.

План первой пятилетки по своему замаху – это среднегодовая распахка в 2001–2005 годах в размере 14–16 млн. гектар, со среднегодовым урожаем в 14,6 млн. тонн зерна. Этот уровень был достигнут спустя 70 лет, на несопоставимо более высоком техническом уровне.

Теперь о том, что касается «интенсивного скотоводства». Экспедиция Всесоюзного переселенческого комитета в 1928 году исследовала северную половину Казахстана. Это вытекало из главной задачи экспедиции, которая должна была исследовать перспективы и условия массовой распахки и аграрной колонизации, потому и интересовалась именно теми районами, в которых были сосредоточены лучшие пахотные земли Казахстана.

В среднем, в стаде казахских кочевников овцы составляли 59,9 %, лошади – 13,5 %, крупнорогатый скот – 12,3 %.¹³⁵ Но в составе стада в разных регионах отмечались еще в начале XX века сильнейшие различия. Чем дальше на северо-восток, тем больше в составе стада крупнорогатого скота. Чем дальше на юго-запад, тем больше в стаде овец. Так, на Мангышлаке овцы составляли 84,6 % стада. Сильные различия отмечались даже для разных уездов одной и той же области.

В Тургайской области доля крупнорогатого скота составляла 20 %, в Акмолинской области – 18 %, в Семипалатинской области – 13,8 %, в Сырдарьинской – 6,4 %.¹³⁶ Причина этого была очень проста. Крупный рогатый скот мог поедать всего 48 видов растений и требовал пресной воды с соленостью не более 2,5 гр/литр. Пустынная и полупустынная растительность и вода с высокой минерализацией для него не подходили. Потому высокая доля крупнорогатого скота была там, где было в избытке пресной воды и были хорошие пастбища. Например, в Тургайской области, в которую до 1920 года входило верхнее течение р. Тобол выше современного г. Курган и значительная часть левобережья р. Урал выше Оренбурга.

Кормовые ресурсы Казахстана были достаточными для содержания крупного поголовья скота, которое М. Г. Сириус определял в 88–90 млн. голов. По его данным урожайность травостоя была наиболее высока для разнотравья и приозерных лугов – 100 пудов с десятины

¹³⁴ Маркевич А. М. Межселенные машинно-тракторные станции. М., 1929, с. 98–100

¹³⁵ Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 106

¹³⁶ Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 102–106

(около 16 центнеров с гектара), а в пустынных районах она падала до 3–5 пудов с десятины (0,8 центнера с гектара). Приблизительный вес травостоя для пустынных и полупустынных районов по оценкам М. Г. Сириуса составлял 1787,5 млн. пудов, или 286 млн. центнеров. Суммарные кормовые ресурсы им определялись в 7337,5 млн. пудов или 1174 млн. центнеров.

Однако, далеко не весь этот корм мог поедаться крупнорогатым скотом. Ресурсы кормов для него составляли 3750 млн. пудов или 600 млн. центнеров. Даже если весь этот травостой полностью заготавливать на корма, то, при условии, что для прокорма одной коровы нужно заготавливать около 40 центнеров грубых кормов в год, то этот травостой может прокормить 15 млн. голов крупного рогатого скота. Если же принять во внимание все тонкости разведения высокопродуктивного крупного рогатого скота, то это поголовье надо сократить по меньшей мере вдвое, до 7,5 млн. голов.

В середине 1920-х годов крупного рогатого скота в Казахстане было меньше, чем мог прокормить естественный травостой, – 2,7 млн. голов.¹³⁷ Они потребляли около 35 % кормовых ресурсов, необходимых для организации высокопродуктивного животноводства по европейским моделям. Ресурс роста был, но не столь большой, как может показаться.

Но главная проблема была в том, чтобы все эти кормовые ресурсы заготовить, свезти и заложить на хранение. Разнотравье и луговые травы произрастали на площади около 40 млн. гектаров, и не одним массивом, а отдельными пятнами и участками, разбросанными по огромной территории. Заготовка сена и перевозка до хозяйств потребовала бы дополнительного огромного расхода топлива, использования тракторов, в то время как машинной тяги и топлива резко не хватало и для зернового хозяйства.

Поэтому план развития в Казахстане в первой пятилетке крупного зернового хозяйства и «интенсивного» скотоводства был несостоятельным, поскольку для него не было необходимых предпосылок и нужного количества материальных ресурсов. За время первой пятилетки раздобыть эти ресурсы в нужном количестве также, как видим, было невозможно. Потребности Казахстана по составленному пятилетнему плану превышали годовое производство этих ресурсов в СССР. Но ведь кроме Казахстана были и другие крупные сельскохозяйственные районы: Украина, Северный Кавказ, Поволжье, которые также требовали минеральных удобрений, тракторов и керосина. Эти районы обладали куда более развитым зерновым хозяйством, были районами первоочередной коллективизации, и потому получали трактора, сельхозмашины, керосин и удобрения в первую очередь. Казахстан, дававший в зависимости от урожая от 3,3 % до 9,7 % заготовки хлебов в СССР, не мог претендовать на первоочередные поставки техники.

План развития казахского скотоводства, предложенный Е. А. Полочанским, был намного лучше и намного реалистичнее планов масштабной распашки и создания зерновых совхозов.

Образцом для разработки плана ему явно послужил хозяйственный аул, который в конце 1920-х годов насчитывал 8–10 хозяев.¹³⁸ Эти хозяева, имея каждый по 60–70 голов скота, образовывали коллективное хозяйство оптимальной численности поголовья, которое составляло около 600 голов.¹³⁹ По подсчетам Ж. Б. Абылхожина, каждый хозяин должен был иметь минимум 60–70 голов скота, чтобы хозяйствовать в ауле. Меньшее по размеру хозяйство не обеспечивало всех потребностей, не могло развиваться и было неустойчивым. Большее по размеру хозяйство не могли прокормить пастбища, из-за чего богатые скотоводы

¹³⁷ Весь Казакстан на 1925–1926 годы. Оренбург, 1925, с. 84

¹³⁸ История государства и права Советского Казахстана. Т. II (1926–1937 годы). Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1963, с. 29

¹³⁹ Абылхожин Ж. Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930-е годы). Алма-Ата, «Гылым», 1991, с. 165

вынуждены были делить свои стада на аулы. Только Е. А. Полочанский явно ориентировался на бедный аул, из-за чего установил средний размер стада в своем проекте всего в 50 голов в пересчете на крупнорогатый. Это около 200 голов овец, что значительно меньше оптимального размера хозяйства. В расчете на хозяина – 40 голов, что также меньше оптимального уровня.

Очевидно, это было данью главной политической цели того времени в аулах – добиться обустройства и развития в первую очередь бедноты. Хотя, судя по высказываниям о баях, Полочанский, видимо, понимал, что полноценное скотоводческое хозяйство требует большего стада. Недостаточность скотоводческого хозяйства, автор проекта пытался уравновесить земледелием, так, чтобы получилось скотоводческо-земледельческое хозяйство оседлого типа.

Преимущества проекта Полочанского были в следующем. Во-первых, он явно опирался на казахские хозяйственные традиции и опыт, что прослеживается невооруженным глазом. С силу этой причины, его проект гораздо лучше подходил под хозяйственные условия Казахстана конца 1920-х годов, чем проект массовой распашки. Во-вторых, он был бы более понятным и приемлемым для масс казахов-скотоводов и содействовал бы процессу коллективизации намного лучше, чем политика Казкрайкома. В-третьих, он помог бы сохранить поголовье скота, которое имелось в Казахстане накануне коллективизации, что оказало бы колоссальное воздействие на экономику КАССР. В-четвертых, основная часть капиталовложений приходилась на строительство и обустройство зимников в качестве постоянных поселков, а эти расходы могли бы быть на первых порах значительно сокращены путем использования местных строительных материалов и строительных приемов. Уже в начале XX века значительная часть казахов уже не жила в юртах, а жила в домах на зимниках, в саманных домах. В некоторых уездах (например, в Перовском) доля домов составляла 70 % среди жилых построек.¹⁴⁰ Почти повсеместно дома строили из самана и сырцового кирпича, причем постройки возводили быстро. Применение самана и сырцового кирпича на первых порах коллективизации позволили бы сэкономить большие средства.

Впрочем, были у проекта Полочанского и сильные недостатки, связанные, с одной стороны, с абрисной проработкой проекта, а с другой стороны, связанные с господствовавшими тогда настроениями. Многого Полочанский не мог сказать открыто. В Казахстане места его идеям и вовсе не было, и его проект был издан Торговым представительством КАССР в Москве, подальше от Голощекина и его ретивых сторонников.

К числу этих недостатков можно отнести несколько моментов. Первый и самый главный состоит в том, что в его проекте не был решен вопрос с пастбищами. Даже если само хозяйство делалось оседлым, все равно, без отгонных пастбищ на весенне-летний период, а также водопоев не могло обойтись. Вопрос выделения отгонных пастбищ, их обустройства в его проекте никак не рассмотрен. Второй момент состоял в том, что далеко не везде недостаток стада можно было компенсировать земледелием. Развитие земледелия требовало, по крайней мере, развития орошения, но этот вопрос Полочанский также обошел вниманием. Третий момент состоял в том, что создать полноценные скотоводческие хозяйства без вовлечения байских хозяйств, хотя бы и на первых порах, было практически невозможно. Наконец, Полочанский создал проект типового хозяйства, но не создал из них экономической системы республиканского масштаба.

В целом, несмотря на то, что его предложения были намного лучше, проект явно нуждался в доработке. Увы, этой доработки перспективного предложения не последовало, а сторонники Голощекина поспешили заклеить его как «теоретически безграмотный». Впрочем, судя по упоминанию его в брошюре Г. Тогжанова, проект Полочанского явно был

¹⁴⁰ Востров В. В., Захарова И. В. Казахское народное жилище. Алма-Ата, «Наука», 1989, с. 42

знаком хозяйственному руководству Казахстана, как-то обсуждался, и кое-что из его предложений было принято. Так, в ряде областей Казахстана во время коллективизации строили многоквартирные дома для колхозников.

В конечном итоге, нужно констатировать, что накануне коллективизации в Казахстане и в СССР в целом, не было создано хозяйственного плана, который был бы выполнен с учетом наличных условий и возможностей, и учитывал бы природно-климатические и хозяйственные условия Казахстана. Был составлен нереальный план, и поразительно, что все хозяйственные органы, как республиканского, так и союзного уровня совершенно не замечали этого факта.

Послужной список советской политэкономии: голод и война

Подводя итоги рассмотрению проектов развития сельского хозяйства Казахстана, выдвинутых в 1920-х годах, приходится сделать вывод, что готового, проработанного, и, самое главное, реализуемого при наличных условиях, проекта тогда не было. Хозяйственное руководство Казахстана следовало самым общим установкам коллективизации, оседания и аграрной колонизации, при этом совершенно не просчитывая экономических последствий предпринимаемых действий.

Обращает на себя внимание крайняя противоречивость теоретических построений партийных экономистов, голословность важнейших положений, а также практически полное отсутствие обоснования в виде статистических и фактических данных. Совершенно непонятно, на чем основывались утверждения того же Г. Тогжанова о «господстве торгово-ростовщического капитала», или о пережитках патриархально-родового строя и феодализма в казахском ауле. Созданная в конце 1920-х годов политэкономическая теория казахского аула неудовлетворительна и несостоятельна, а главное, ошибочна.

Это была проблема не только и не сколько партийных экономистов в Казахстане, сколько проблема вообще марксистского подхода к анализу аграрных обществ в азиатских странах. Как уже говорилось, уже в 1970-х годах в советской политэкономии так и не смогли решить вопрос о том, что является средством производства в кочевом хозяйстве: земля или скот. Между тем, от этого зависел весь дальнейший политэкономический анализ.

Советский марксизм так и не смог решить эти проблемы. В 1970-е годы, накануне Саурской революции в Афганистане также разрабатывалась политэкономическая теория афганского общества, от которой зависела разработка политического и экономического курса НДПА, который, как хорошо известно, формировался при активнейшем участии советских советников. Там были допущены те же самые ошибки. Советники сделали вывод о том, что в сельском хозяйстве Афганистана господствуют помещики, а общественный строй с феодальными и даже дофеодальными пережитками. Как видим, тут был тот же самый политэкономический «қойыртпақ», как и в Казахстане в 1920-х годах, противоречащий элементарным положениям марксистской формационной теории. Фактические данные, собранные выдающимся знатоком афганской деревни А. Д. Давыдовым, эти утверждения опровергали. Он сделал в 1993 году вывод: «Это страна крестьянская, а не помещичья, или в основе не помещичья, не феодальная, а тем более не дофеодальная».¹⁴¹ Крестьянам принадлежало 68,3 % обрабатываемой земли. Зато в афганской деревне господствовал и свирепствовал торгово-ростовщический капитал, который к началу 1970-х годов привел к огромной задолженности хозяйств, их массовому разорению, обезземеливанию к 1978 году 36 % хозяйств, и был главной причиной аграрного кризиса в стране.

Точно также, как и казахских партийных экономистов, у советников афганских коммунистов не было сколько-нибудь надежных данных о состоянии сельского хозяйства и его социальной структуре. А. Д. Давыдов заключает: «Трудно понять, как можно было, делать столь ответственный вывод, затрагивающий коренные перемены в судьбах страны, базирываясь на совершенно ненадежных статистических данных».¹⁴²

¹⁴¹ Давыдов А. Д. Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы. М., «Наука» – «Восточная литература», 1993, с. 36

¹⁴² Давыдов А. Д. Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы. М., «Наука» – «Восточная литература», 1993, с. 89

НДПА, взяв власть, последовала советам, и начала масштабную аграрную реформу. Были отменены долги и административными мерами из деревни изгнан торгово-ростовщический капитал, а крестьянам не было предложено другого источниками кредитных ресурсов. Была проведена решительная борьба с «феодалным землевладением», в ходе которой конфискации подверглась большая часть хозяйств. Закрепленная в Декрете № 8 норма землевладения составляла примерно треть от того, что необходимо было для прожиточного минимума (6 гектаров поливной двухурожайной земли против 20 гектаров прожиточного минимума), при этом была запрещена продажа и аренда земли.¹⁴³ Была проведена водная реформа, разрушившая традиционную систему водопользования и орошения. Наконец, были отменены шариатские купчие. Крестьяне остались на чрезмерно маленьких наделах, без воды, гарантий прав собственности и кредитных ресурсов. Афганские крестьяне проголосовали против такой политики ногами, и с 1980 года Афганистан покинуло более 5 млн. человек, создав мощную базу пополнения для отрядов вооруженной оппозиции.

Конечный итог этих «преобразований» таков: Афганистан оказался ввергнутым в 25-ти летнюю гражданскую войну, испытал колоссальную разруху, понес огромные жертвы среди населения. Афганцы составили самую многочисленную и широко распространенную диаспору в мире. Только в последние годы Афганистан получил возможность восстановления и развития.

Есть в послужном списке у советской политэкономии два «выдающихся достижения»: голод в Казахстане в 1932 году и гражданская война в Афганистане в 1978–2003 годах. В обоих случаях причинами экономических и социальных кризисов грандиозных масштабов были ошибочные и несостоятельные политэкономические теории, на основе которых принимались важнейшие и судьбоносные решения.

«Более того, наш исторический опыт озаряет путь, по которому так или иначе пойдет развитие всего человечества», – провозгласила в 1963 году «История государства и права Советского Казахстана».¹⁴⁴ Нет уж, спасибо, избавьте нас от этого. Казахи и афганцы сполна вкусили всю горечь этого исторического опыта.

¹⁴³ Давыдов А. Д. Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы. М., «Наука» – «Восточная литература», 1993, с. 112

¹⁴⁴ История государства и права Советского Казахстана. Т. II (1926–1937 годы). Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1963, с. 4

Глава третья***Советизация аула

В конце 1925 года Филипп Голощекин провозгласил в Казахстане политику советизации аула. До начала коллективизации это было главное направление политики Казкрайкома, которое рассматривалось в значительной степени в качестве подготовительного этапа коллективизации.

Выдвижение такой цели в 1925 году может вызвать недоумение. Ведь Советскую власть в Казахстане установили в конце 1917 – начале 1918 года. Раньше всего Советскую власть установили в Оренбурге, в котором Военно-революционный комитет провозгласил ее 14 (27) ноября 1917 года, через три недели после событий в Петрограде. 5 (12) декабря 1917 года – в Букеевской Орде, 16 (26) декабря 1917 года – в Омске и вскоре в Кокчетаве и Акмолинске.¹⁴⁵ Уже в 1919 году Советская власть в Казахстане значительно укрепилась, и 10 июля 1919 года Совнарком РСФСР создал Ревком по управлению Киргизским краем. 26 августа 1920 года Ревком был упразднен и создана Киргизская (Казахская) АССР.¹⁴⁶

Казалось бы, какая еще советизация аула через семь лет после установления Советской власти в Казахстане? Однако, как мы увидим позднее, определенные причины для провозглашения такого лозунга все же имели место быть.

¹⁴⁵ История государства и права Советского Казахстана. Т. 1 (1917–1925 годы). Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1961, с. 10–12

¹⁴⁶ История государства и права Советского Казахстана. Т. 1 (1917–1925 годы). Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1961, с. 143

Облик Советской власти в ауле

Что собой представляла Советская власть в низовом уровне Советов, в особенности в кочевых районах? Советская власть на уровне деревень и аулов была введена декретом ВЦИК 27 марта 1920 года, который одновременно упразднял ревкомы. Самой низовой административной единицей был административный аул, который объединял 20–30 хозяйственных аулов, в каждом из которых находилось 8–10 хозяйств, в радиусе от 20 до 120 км, иногда же радиус доходил до 200 км. Средняя площадь административного аула в Семиреченской губернии достигала 70 тысяч кв. км, в отдельных волостях 200–400 кв. км.¹⁴⁷ В 1926/27 году в Казахстане насчитывалось 68,8 тысяч аулов-кстау.¹⁴⁸

Вышестоящая структура складывалась из волостных Советов, уездных Советов, губернских Советов, а также в районах проживания казахского кочевого населения был уполномоченный КазЦИК.

Главным врагом Советской власти в Казахстане были огромные расстояния. Даже самые компактные по территории административные аулы требовали дня пути, чтобы добраться от Совета до самого отдаленного хозаула. В больших же административных Советах требовалось ехать неделю и больше. Огромные расстояния отделяли административные аулы от вышестоящих Советов, а также от центра. Известно, что участники V-й Всеказахской партконференции, которая состоялась в ноябре 1925 года, вернулись в свои аулы во второй половине декабря 1925 года.

Вторым злейшим врагом Советской власти был крайний недостаток транспорта, которым в то время были лошади. Журналист-коммунист Габбас Тогжанов в своей брошюре «О казакском ауле» оставил любопытные заметки о том, с какими трудностями сталкивались советские работники в выполнении возложенных на них функций. Обычно, по распространенной в то время практике, для каждого низового административного органа выделялась лошадь. Для русских районов с компактным расположением деревень, одной лошади хватало, тем более, что во многих местах территорию Совета можно было обойти пешком или проехать на попутных телегах. Положение в казахских административных аулах резко отличалось: «А в казакском ауле не так, там каждый работник должен иметь при себе лошадь».¹⁴⁹ Разумеется, что выделить лошадей на 5–7 советских работников в административных аулах тогда было крайне затруднительно. Это приводило к многочисленным побочным последствиям: «Вот они вынуждены искать лошадь у других – у «знакомых», обращаться с просьбой к тем казакам, у которых имеются лошади, обычно – мы проверили на опыте, – они берут лошадей в большей части у баев и у тех, которые в чем-нибудь обвиняются, – совершили проступок перед Советской властью».¹⁵⁰

Нетрудно догадаться, что подобные отношения ставили советских работников в сильнейшую зависимость от аульных баев. Но это было еще не все. В силу разбросанности хозаулов по территории административного аула, собрать всех членов Совета было редкой удачей и редким событием. Народ вышел из этого положения с непринужденной легкостью – все полномочия вручались председателю Совета, который единолично принимал все решения. «В аулах, аулсовет представляет только его председателя. Пока что в глазах масс пред-

¹⁴⁷ История государства и права Советского Казахстана. Т. 1 (1917–1925 годы). Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1961, с. 29

¹⁴⁸ Родиевич Б. От колониального вырождения к социалистическому расцвету. М., «Власть Советов», 1931, с. 18

¹⁴⁹ Тогжанов Г. О казакском ауле. Кзыл-Орда, 1928, с. 40

¹⁵⁰ Тогжанов Г. О казакском ауле. Кзыл-Орда, 1928, с. 40

седатель – аулсовет».¹⁵¹ Регистрации заседаний, как правило не велось, решений тоже, как правило, не записывалось.

Такое положение дел открывало широчайшие возможности для манипуляции советскими органами со стороны баев. Председателю время от времени требовалась лошадь для поездок и постой в хозаулах на ночевку. Баи все это охотно предоставляли председателю аулсовета в обмен на лояльность, чтобы в нужный момент председатель аулсовета «замолвил словечко». Рано или поздно, скорее рано, председателя со всех сторон окружали баи и зажиточные хозяева, от которых совработник полностью зависел, и был вынужден считаться с их мнением и советами. Аулсовет, изначально задуманный как орган власти бедноты, оказывался изолированным от этой самой бедноты.

В казахских аулах было еще одно существенное отличие от русских или украинских деревень в Казахстане. В последних еще на заре установления Советской власти были в массе своей созданы сельсоветы. В деревнях, в которых было по 20–30 дворов, от избы до сельсовета можно было дойти пешком, и потому крестьяне имели возможность обращаться в сельсовет по тем или иным вопросам. В казахских хозаулах никаких советов не создавалось за малочисленностью населения, а Совет административного аула находился в лучшем случае в 20–30 км. Кроме того, весной казахи снимались и уходили на летние пастбища за десятки и сотни километров от своего аулсовета. Поэтому в казахских хозаулах население могло годами не видеть председателя совета, и жило изолированно от Советской власти. Все вопросы решали зажиточные хозяева, которые при необходимости могли съездить к председателю аулсовета и договориться с ним по-свойски.

Вследствие огромных расстояний, отсутствия транспорта и общей бедности республики, накануне коллективизации никакой связи центра с аулами просто не существовало. В ауле не было ни телефона, ни радисток, ни почтового сообщения. Даже в 1932 году колхозы не имели телефонной связи, телефон имели 10,2 % сельсоветов, 23,1 % совхозов.¹⁵²

По сути своей, накануне коллективизации Советская власть в ауле существовала в большей степени на бумаге, чем на деле. Это открыто признавалось в Казкрайкоме. Филипп Голощекин говорил в своем докладе на 2-м Пленуме Казкрайкома в апреле 1926 года: «В казахском ауле нет Советской власти».¹⁵³ Даже сельсоветы и аулсоветы, которые все же существовали и как-то работали, тем не менее были совершенно неуправляемы по причине отсутствия с ними связи. Распоряжения центральных органов попросту не доходили до мест, и в столице Казахстана не было возможности узнать, как эти распоряжения выполняются на деле.

¹⁵¹ Тогжанов Г. О казахском ауле. Кзыл-Орда, 1928, с. 50

¹⁵² Чуланов Г. У., Ишмухамедов Б. М., Чечелова Т. В., Жубанов З. Г. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР. Т. II (1928- июнь 1941 года). Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 226

¹⁵³ Очередные задачи ВКП(б) в Казахстане. Доклад т. Голощекина второму пленуму Казахского краевого комитета 30 апреля 1926 года. Кзыл-Орда, 1926, с. 52

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.